

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Елена МАЛИНОВСКАЯ

БЕЗЫМЯННЫЙ БОГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КИНГА

Annotation

Что делать, когда на тебя открывает охоту правитель могущественной страны? Где и у кого искать спасения, если даже собственный род предал тебя?

На землях Безымянного Бога, где не действует магия иноземцев, Эвелине — беглой ученице императора Рокнара — придется до дна выпить горькую чашу разочарований. В жестокой игре, правила которой неизвестны, девушка может рассчитывать лишь на себя. И на любовь, которую даруют ей небеса.

Над великой империей бушевала гроза. Слепящие сполохи небесного огня вспарывали темное брюхо небес, но глухое недовольное рокотание грома приходило намного позже, когда казалось, что ответа уже не будет.

— Боги волнуются, — встревоженно переговаривались в деревнях. — Вон как беснуется Младшая Богиня. К чему бы это? Неужели она вновь собирается зажечь факелы войны?

Однако небеса не волновали пустые перешептывания и опасения никчемных людишек. Там шел куда как более важный спор. Лишь к утру ненастье стало затихать. И тогда на истрескавшуюся от долгой засухи землю упали первые капли благословенного дождя.

Старый воин из рода грозного Турия за всю ночь ни разу не вознес молитву своему покровителю. Он задумчиво почесывал бороду, вспоминая странного посетителя, явившегося к нему на закате.

— Научите меня владеть мечом! — не представляясь, почти приказал ему еще безусый юнец, едва только Рагон открыл дверь. — Вы умеете, мне рассказывали.

— Да как ты смеешь! — возмутился было старик столь наглой беспардонности, но тут же замолчал, с изумлением уставившись на золотую монету, непонятно как очутившуюся в его руке.

— Научите, — настойчиво повторил юноша. — Я щедро вознагражу вас.

— А ты, случаем, не разбойник? — мимоходом поинтересовался Рагон, замороженный выгравированным на монете четким профилем императора.

— Нет, — страшно ощерился незнакомец в подобии улыбки. — Я получил эти деньги не по своей воле. Но собираюсь потратить их так, как сам захочу.

— Хорошо, — буркнул старик, поспешно убирая золотой подальше от любопытных глаз. — Приходи завтра.

— Я буду на рассвете, — пообещал юноша и круто развернулся, намереваясь исчезнуть в светло-лиловом сумраке раннего вечера.

— Постой! — заполошно окликнул его Рагон. — Как звать-то тебя, малец?

— Риком кличь, — не оборачиваясь, кинул через плечо незнакомец. И ушел. А на закатном крае небес первая молния располосовала черные дождевые тучи.

Но, удивительное дело, гроза далеко стороной обошла небольшой клочок суши, входящий в архипелаг Запретных Островов, словно оберегая чей-то покой...

За всю ночь странная незнакомка, неведомым путем попавшая сюда, ни разу не проснулась. Лишь иногда, неосторожно повернувшись и потревожив правую руку, запястье которой было крепко перемотано цветастой тряпкой, она чуть слышно стонала. Багровые рубцы шрамов, столь надежно скрытые от чужих глаз, сегодня неожиданно налились огнем и пылали, но эта боль была не в силах привести Эвелину в чувство. Девушка уже неделю находилась в плену забвения.

Беременная женщина, оберегающая покой чужачки, покачала головой и, осторожно придерживая рукой огромный живот, подошла к кровати, собираясь переменить повязку на горячем лбу больной. И тут же отшатнулась в ужасе. В полумраке деревенского дома хищным красным огнем сверкнули глаза голодного дикого зверя. Моргнув, женщина поняла, что

ошиблась. Это пламя свечи отразилось в расширенных зрачках незнакомки. Та пришла в себя и внимательно наблюдала за знахаркой.

— Не бойся, самое страшное позади. Добро пожаловать на Запретные Острова, чужестранка, — нашла в себе силы женщина радушно улыбнуться.

— Я знаю, — неожиданно с трудом проговорила Эвелина и, вновь проваливаясь в горячую лихорадку бреда, едва слышно выдохнула: — И рада этому.

Часть первая

Запретные Острова

Эвелина выздоравливала. Она то приходила в себя, то вновь надолго погружалась в тяжкое мучительное забытие. Но и днем и ночью ее окружали тени из прошлого. Девушка отдала бы многое, чтобы забыть все случившееся с ней в Академии. Не получалось. Никак не получалось. Снова и снова Эвелину посещали непрошенные воспоминания. И чаще всего перед внутренним взором вставала сцена последнего разговора с императором. Иногда Дэмиен являлся к ней во снах. Звал и уговаривал вернуться. Такие видения были настолько реальными, что на краткий жуткий миг девушка верила в свой проигрыш. Бегство, безумный полет — все напрасно, все зря. Ее нашли, и теперь император будет торжествовать победу. В такие ночи Эвелина просыпалась в липком поту кошмара, пугая гостеприимную хозяйку дома коротким вскриком ужаса.

Девушка застонала и резко перевернулась на узенькой неудобной кровати. Потом еще долго размеренно дышала, пытаясь справиться с приступом внезапной тошноты. Прошлого для нее больше не существовало. Ее предал род, предал дядя, который некогда клялся в том, что никогда не причинит племяннице вреда. Что в итоге? Лишь ненавистная имперская одежда черного цвета да шрам, как вечное напоминание перенесенного позора.

Однако дела у Эвелины шли благополучнее, чем она желала бы того. Уж лучше лежать пластом, погруженной в пучину беспамятства, чем каждый миг вспоминать насмешливый взор прозрачных голубых глаз императора. Девушка жалела, что не погибла ранее, что сумела обратиться птицей, что пересекла океан в сумасшедшей надежде спастись. Боги приняли бы ее в своей обители. На другом берегу призрачной реки у нее много друзей, чтобы после смерти не чувствовать себя одинокой. Больше, во всяком случае, чем на этом.

Неожиданно Эвелину привлек чуть слышный скрип половицы. Она повернула голову, пытаясь высмотреть в густом вечернем сумраке потревожившего ее покой. Рука привычно дернулась за мечом и безвольно повисла. Какое оружие? Ее меч давно вернулся к истинному хозяину. Оно и лучше. Клинок, предавший единожды, предаст и второй раз.

— Не спишь? — заметив, что ее обнаружили, к постели, уже не таясь, подошла Рохана — знахарка, спасшая ей жизнь.

— Нет, — слабо улыбнулась Эвелина. — Слишком много дум. О прошлом, настоящем, будущем...

— Это хорошо, — мелодично рассмеялась женщина и присела в ногах девушки, бережно придерживая живот. — Значит, скоро будешь совсем здоровая. На пороге смерти обычно не думают про грядущее.

— Это плохо, — с глухой злостью бросила девушка и раздраженно саданула по стене рукой. Та сразу же налилась тупой болью, которая помогла сдержать рвущееся наружу бешенство. Эвелина не хотела пугать кровавым всполохом своих глаз знахарку. Слишком многим была ей обязана. — Это плохо, — взяв себя в руки, повторила она более спокойно. — Я бы многое отдала за то, чтобы забыть. Все забыть из прошлого.

— Так невозможно, — мягко возразила Рохана. — Мы должны учиться на своих ошибках. Подумай, ведь случались же в твоей жизни и приятные мгновения. Просто не может быть, чтобы все было настолько плохо.

— А как быть с позором? С болью от предательства? С ненавистью к родным? — глухо спросила Эвелина.

— Любая боль делает нас сильнее, — осторожно произнесла женщина и с удивлением заметила слезы, блеснувшие на ресницах больной. — Послушай, милая моя девочка. Я не спрашиваю, что с тобой произошло. Разговаривать об этом сейчас — все равно, что беречь открытую рану. Но поверь — придет день, и ты сама захочешь рассказать. Мне или кому другому — не столь важно. А рассказав, вдруг почувствуешь, как груз на твоих плечах стал легче. Так всегда бывает, поверь. Время все лечит.

— Наверное, ты права, — с неохотой согласилась девушка. — Наверное. Пусть пройдет время.

— Вот и отлично, — лучезарно улыбнулась Рохана. — За местных не беспокойся. Они не пойдут против моего мнения. Как-никак, я единственная травница на много миль вокруг. Но знака императора не показывай. Иначе даже я не смогу защитить тебя. Слишком уж у нас не любят людей Дэмиена.

— Я не человек императора, — сквозь зубы процедила Эвелина, ощущая, как сжалось сердце при звуках знакомого имени. — Никогда так меня не называй, прошу.

— Хорошо, — с невольным испугом согласилась женщина. Ей вдруг вновь показалось, что из глаз девушки глянул дикий бешеный зверь. Несмотря на вечернюю прохладу, Рохане стало душно. Влажный липкий мрак сгустился вокруг. Низ живота пронзила резкая сильная боль.

— Что с тобой? — нахмурилась Эвелина, увидев, как маленькие капельки пота усеяли лицо женщины.

— Ничего, сейчас пройдет, — поспешила успокоить чужачку знахарка, ласково поглаживая себя по животу. — Ребенок — вот ведь негодник какой! Все никак выходить не хочет. Уж две недели с намеченного срока прошло, а он даже и не пытается. Видно, лентяем вырастет.

Эвелина настороженно кивнула, соглашаясь с Роханой, но беспокойство, пока еще глухое и неосознаваемое, впервые посетило ее.

После того разговора девушка стремительно пошла на поправку. Через день она уже осмелилась на небольшую прогулку по доу. И даже, несмотря на все протесты и возражения Роханы, вышла во двор.

Солнце уже садилось, когда девушка с усилием распахнула скрипучую дверь. В лицо ударил ветер, насыщенный соленым запахом беснующегося недалеко океана. По волосам пробежался ласковый солнечный зайчик и запутался в седых локонах. Эвелина улыбнулась. Если зажмуриться и очень постараться, — можно представить себе, будто опять вернулась на Лазурь. Даже островитяне, которые хлопотали в соседних дворах, ничем не отличались от земляков девушки. Такие же загорелые, в таких же простых одеждах.

Неожиданно шум повседневных хлопот смолк. Эвелина открыла глаза и нахмурилась. Ее появление заметили. Вон из-за плетня торчит любопытная вихрастая голова деревенского сорванца, а вон соседи с затаенной враждой оглядывают ее имперскую одежду.

— Вернись, — тихо попросила Рохана, поспешившая на помощь чужачке. — Еще рано. Они не готовы. Я подберу тебе более подходящий наряд для представления сельчанам.

Эвелина горько усмехнулась и, понурившись, вновь вступила в прохладную тишину избы.

Рохана довольно кивнула и собралась было последовать за девушкой, но вдруг глухо вскрикнула и начала заваливаться на бок.

— Что с тобой? — испуганно метнулась Эвелина на подмогу. Попыталась подхватить женщину, но руки, еще слабые после перенесенной болезни, сами разжались. Знахарка медленно сползла на землю.

— Все хорошо, — чуть слышно прошептала она, в единый миг залившись мертвенной белизной. — Все хорошо. Ребенок наконец-то решил обрадовать маму своим появлением на свет.

Эвелине даже не пришлось звать на помощь. Моментально изба наполнилась встревоженными людьми. Охнув, девушка отлетела в сторону, откинута с пути чьей-то нетерпеливой рукой.

Рохану подняли и уложили на кровать. Засуетился вокруг жены маленький жилистый мужичок. Пытаясь устроить ее поудобнее, притащил целый ворох подушек и одеял.

— Все вон, — негромко скомандовала сухонькая старушка, ловко засучивая рукава темного шерстяного платья. — Негоже мужчинам за тайнством наблюдать.

Мужичок вскинулся было что-то возразить, но быстро сник под пристальным немигающим взглядом повитухи. Развернулся и медленно побрел к выходу. Эвелина тоже направилась за ним, решив не мешаться под ногами.

— Стой, — окликнула ее старушка. — Подсобишь. Посмотрим, не забоишься ли ручки замарать.

Эвелина криво усмехнулась, но перечить не стала. Встала чуть поодаль, с любопытством наблюдая за действиями повитухи. Та, взяв себе в помощницы шуструю молоденькую девчушку, приказала натаскать горячей воды. Затем щедро сыпанула вокруг кровати травяного порошка. От резкого полынного запаха у Эвелины запершило в горле.

— Так и будешь стоять? — не оборачиваясь, зло кинула ей через плечо старушка. — Молитвы хоть своим богам принеси.

— У меня нет богов, — криво улыбнулась девушка. — По крайней мере, им я больше не желаю служить.

Рохана вытянулась на кровати и захрипела, разрывая на груди рубаху. Повитуха тут же все внимание обратила на нее, не отреагировав на последние слова чужачки.

И завертелось. Эвелина сбилась со счета — так много раз она подтаскивала старухе воды. Иногда накатывала тошнота с усталостью, от слабости кружилась голова, но девушка была почти счастлива. Помогая повитухе, она наконец-то избавилась от призрака императора. Хоть чуть-чуть, но отдохнула от прошлого.

Тянулось время. Иногда Рохана успокаивалась, и тогда Эвелина получала небольшую передышку. Наскоро впихивала она в себя кусок хлеба, запивала студеной родниковой водой, и вновь все начиналось кружиться с бешеной скоростью. Стоны, крики, тяжелый запах благовоний и целебных трав. Иногда девушка даже не понимала, кто она и что тут делает. Наконец на рассвете повитуха милостиво разрешила ей вздремнуть, сама оставшись на страже. Эвелина уснула сразу, едва только ее голова коснулась подушки, небрежно брошенной на ближайшую лавку. И практически тут же, как ей показалось, девушка проснулась от неожиданной тишины. Вскочила и в недоумении уставилась на повитуху. Та лишь молча развела руками.

— Пустое, — буркнула та. — Нам ее не спасти. Надо хоть ребенка выручить.

В руках у старушки блеснул остро наточенный ритуальный нож.

— Она... Она умерла? — чуть запинаясь, прошептала Эвелина, кивнув на тонкий заостренный профиль женщины, которая вытянулась в полный рост на кровати.

— Я дала ей сонное зелье, — хмыкнула повитуха. — Так ей будет не больно. Была бы в деревне еще одна колдунья, может, что и получилось бы. А так... Умрет. Слишком крупный ребенок.

Эвелина, до боли закусив губу, с ужасом наблюдала, как старуха одним ловким движением разрезала длинную рубаху Роханы, оставив женщину обнаженной. Затем, шепча что-то малопонятное, повитуха занесла нож над огромным животом.

— Нет, — внутри у Эвелины шевельнулось знакомое негодование. — Так нельзя!

— Ничего не поделаешь, — несколько виновато отозвалась повитуха. — Еще немного — мы убьем и ребенка. А она и так потеряла слишком много крови. Ей не выжить.

— Не тебе решать, старуха, — грубо прервала ее Эвелина. Затем подскочила ближе и перехватила нож. — Не тебе.

— Да что ты можешь сделать? — удивилась повитуха. — Тут колдунья нужна, причем сильная, а не молоденькая девчушка.

— Увидишь, — оскалилась в жестокой ухмылке Эвелина, выпуская наружу так долго копившуюся ярость. Повитуха отшатнулась, заглянув в красные всполохи, бушевавшие в глазах чужачки. А девушка уже творила первое заклинание. Вились, дрожа и переливаясь, светящиеся линии, мягким коконом окутывая фигуру лежащей женщины. Рохана слабо шевельнулась и издала приглушенный стон.

— Невероятно, — благоговейно прошептала повитуха, невольно пятясь от невиданного ранее зрелища. А Эвелина творила и творила колдовство, без сожалений расходуя собственные, с таким трудом накопленные силы. Губы шептали все новые сочетания слов, чуждые для уха старухи.

Девушка не знала точно — сколько времени минуло с того момента, когда она так решительно остановила повитуху. Она отмеряла часы стуком собственного сердца и прерывистым, постоянно рискующим прерваться навсегда дыханием Роханы. Эвелина уже ничего не видела перед собой от усталости, но продолжала колдовать. Бездумно, не оставляя ни капли магической энергии для себя. Давно сбежала молоденькая помощница повитухи, напуганная искрами огня, клубящимися в глубине зрачков чужачки. Давно сама старуха, не выдержав напряжения, упала без сил на лавку. Эвелина не обращала на это внимания. Никогда в жизни она еще так не сражалась за чужую жизнь. Никогда. Даже на Лазури девушка отказалась от битвы за жизнь наставницы, поддавшись уговорам Ронни. Конечно, потом она многократно корила себя за это малодушие, однако сделанного не воротишь. Тут не было дяди, с его насквозь лживыми нравоучениями и ядовитыми советами. Поэтому Эвелина билась насмерть, отвоевывая у богов их законную добычу. И победила.

На дворе уже царил полдень следующего дня, когда тишину комнаты наконец-то прорезал тоненький жалобный плач новорожденного ребенка. Повитуха торжествующе подняла дитя вверх.

— Девочка! — крикнула она.

Эвелина только слабо улыбнулась. Еще раз посмотрела на Рохану. Та еще спала под воздействием сонного зелья и заклинаний, но лицо уже порозовело, дыхание было глубоким и мерным.

— Надеюсь, дальше без меня справитесь, — с трудом проговорила девушка. И рухнула без чувств на лавку.

Ее несло на волнах беспамятства. Качало и кидало из стороны в сторону. Но без сновидений. Какое же это счастье — не видеть снов, в которых так любят прятаться осколки проклятой прошлой жизни.

Проснулась Эвелина от приятной прохладной тяжести на лбу. Долго жмурилась, нежась в истоме. Но потом с неохотой открыла глаза.

Около ее постели сидела Рохана — живая и, судя по цветущему виду, совершенно здоровая. Она укачивала на руках ребенка, который мирно спал, смешно сморщив носик.

— Ты проснулась? — удивленно вздернула брови знахарка, увидев, что девушка наблюдает за ней.

— Да, — ограничилась кратким ответом Эвелина.

— Я полагала, что ты должна еще месяц лежать пластом, — хмыкнула женщина. — Судя по тому, что мне рассказала повитуха, ты израсходовала весь запас силы. А прошли всего сутки.

— Я тоже так полагала, — уклончиво отозвалась девушка, с недоверием прислушиваясь к собственным ощущениям. Все тело наполняла небывалая легкость. Казалось, что можно выйти за порог — и взмыть в воздух. И совершить еще с десяток путешествий с островов на материк, причем подряд и без отдыха.

— А я и не думала, что привечаю в своем доме такую сильную колдунью, — рассмеялась Рохана. — Кто бы мог подумать — столь юная... Ты спасла мне жизнь, девочка.

— Мы квиты, — глухо бросила Эвелина. — Знаешь ли, не люблю оставаться в долгу. Тем более что по имперским обычаям я была бы обязана сообщить тебе свое истинное имя и стать рабыней.

— Я знаю, — еще шире улыбнулась женщина. — И, честное слово, боюсь, меня могли бы заставить так сделать. Лучший враг — безымянный раб. А ты, только не обижайся, все же враг, пусть и бывший. Как-никак из империи.

— Я не обижаюсь, — пожала плечами девушка. — Напротив, спасибо за откровенность. У нас все живут по таким законам. Кто сильный — тот и прав.

Ребенок загугукал и, не открывая глаз, потянулся к материнской груди. Рохана смущенно улыбнулась и отвернулась, стыдливо прикрываясь от чужого внимания. А Эвелина откинулась на подушки, устало потерев лоб. В голове вертелись обрывки когда-то услышанных фраз. Интересно, почему она так быстро очнулась? Ощущения не могли ее обманывать, прошлой ночью она отдала все свои силы. Если верить наставникам Академии, то ей еще восстанавливаться и восстанавливаться. Или она обманывается? Быть может, способность к магии временно покинула ее, но не затронула при этом количества жизненной силы?

Эвелина протянула вперед руку. Повинуясь едва заметному пассу, на ладони заплесала маленькая искорка рыжего огонька.

— Не понимаю, — со вздохом пробормотала себе под нос девушка и легко потушила язычок пламени. — Ничего не понимаю. Почему?

— Что ты там сказала? — обернулась на шум Рохана. — А, наверное, ты голодная. Подожди чуть-чуть.

— Конечно, — попыталась любезно улыбнуться Эвелина. Получилось плохо. Мышцы лица, после давнишнего самоубийственного полета, еще плохо повиновались ей. Чаще всего вместо улыбок получались хищные оскалы. Надо будет как-нибудь попытаться рассмеяться. Получится ли?

После сытного обеда Эвелина вышла во двор. Нашла себе укромный уголок под тенью раскидистого неизвестного дерева с красноватой корой и мягкой густой хвоей и растянулась на травке. В голове было сонно и пусто.

— Я не помешаю? — тихонечко подошел муж Роханы. Эвелина видела его часто, но ни разу с ним не общалась. Просто знала, что его зовут Иргон и что он был весьма огорчен пребыванием имперки в своем доме. Как ни старалась Рохана скрыть недовольства супруга, но переругиваний в небольшом доме трудно не услышать. Лишь глухой бы остался в неведении.

— Нет, — едва скривила уголки губ девушка.

Иргон сел и долго мялся, не решаясь начать разговор. Затем глубоко вздохнул и почему-то покосился на небо.

— Говори, — проследив за направлением взгляда мужчины и не увидев в той стороне ничего интересного, подбодрила Эвелина крестьянина. — Я внимательно слушаю.

— Тут такое дело, — запинаясь, наконец-то начал Иргон. — Ты из империи. У вас свои обычаи, у нас свои. Но есть общие.

И вновь надолго замолчал.

— Не сомневаюсь, — хмыкнула девушка. — Общее имеется у всех.

— Так вот, — видимо собравшись с духом, затараторил крестьянин. — У вас есть этот обычай, и у нас он есть. Ежели спас человеку жизнь, то вправе сделать его безымянным.

— Вот как? — нарочито удивилась Эвелина. — Ты намекаешь на то, что я должна открыть Рохане свое истинное имя? Не забывай только, что в таком случае и я могу потребовать того же.

— Я это прекрасно знаю, — измученно посмотрел на чужачку крестьянин. — Ты и моя жена квиты. Но в ту ночь ты спасла жизнь не только Рохане. Ты спасла жизнь и моей дочери.

— Не понимаю, чего ты боишься, — поморщившись, прервала мужчину Эвелина. — По имперским обычаям, я все равно не имею права на имя ребенка. Он еще не прошел ритуала наречения, следовательно, ему нечего мне отдать.

Помолчав, девушка добавила с тяжким вздохом:

— Некогда этот обычай помог и мне избежать столь позорной участи.

— Я не об этом, — нетерпеливо прервал чужачку Иргон. — Знаешь ли, у нас есть обычай. Чудной несколько. Мы празднуем и принятие ребенком мирского имени. И я хотел бы, чтобы именно ты дала имя моему ребенку. Пожалуйста. Этим ты окажешь мне честь.

— Честь? — переспросила Эвелина. — А ты не боишься, что твою дочь невзлюбят за это? Нелегко носить имя, пришедшее из ненавистной вам империи.

— Не боюсь, — с легким лукавством покачал головой крестьянин. — Мы все видели, что ты сильная колдунья. Сильная и добрая. Имперцы никогда не спасают чужих жизней, тем более если это забирает у них столько сил. Ради забавы — может быть, но не тогда, когда сами рискуют. Прошу, почти наши обычаи своим согласием.

— Хорошо, — пожала плечами девушка. — Кажется, я уже знаю, как назову твою дочь. Надеюсь, она будет достойно носить это имя.

— Спасибо, — с благодарностью кивнул Иргон. — Большое спасибо. И помни, незнакомка, в этой деревне у тебя есть семья, которая будет считать тебя своей. Что бы ни случилось.

Эвелина дождалась, когда мужчина скроется в доме, спеша сообщить радостную новость своей жене. И лишь когда дверь захлопнулась, прошептала:

— На твоём месте я бы не раскидывалась так легко уверениями в преданности, Иргон. Не той ты клянешься, ох не той.

Больше в тот день Эвелину никто не беспокоил. Вечером она даже осмелилась на небольшую прогулку по узеньким извилистым улочкам поселка. Умирующее красное солнце множилось в оконных рамах, отражалось в темных глазах девушки. Эвелина впервые за долгое время ощущала спокойствие. Можно было просто наслаждаться пригожим летним вечером. И даже попытаться сделать вид, будто не помнишь прошлой жизни, будто все забыла.

На берегу океана девушка долго вглядывалась в водную даль. Иногда ей казалось, будто она видит на горизонте белые паруса императорской флотилии. И тогда сердце сжималось в тревожном предчувствии. Но уже через миг Эвелина смеялась над своими опасениями. Дэмиен не посмеет сунуться сюда. Он не найдет ее здесь. Тут властвуют совсем другие силы, а быть может, — и боги. Интересно, в кого все же верят здешние островитяне? Неужели у них есть свой, шестой Высочайший? И какой стихией он должен повелевать? И какому жуткому богу подчиняться? В Академии болтали всякое про Запретные Острова. Чаще всего — плохое. Но пока ни один вымысел не подтвердился. Или неприятные открытия еще предстоят?

Эвелина вернулась в дом гостеприимной Роханы далеко за полночь, когда все уже отдыхали. Крадучись, скользнула к своей лавке и тут же заснула. Просто рухнула в черный бездонный колодец небытия, слава богам, без сновидений и голосов из давно минувшего.

Утром ее разбудила суета. Дом украшали букетами полевых цветов. Верткий мальчонка чуть было не упал на нее, балансируя на табурете и пытаясь подвесить один особенно крупный цветок прямо над головой девушки.

— Аккуратнее, — ворчливо произнесла Эвелина. — Ты и мне шею сломаешь и себе.

— Не сломаю, — легкомысленно отмахнулся сорванец, наконец каким-то чудом воткнув цветок прямо в едва заметную трещинку между ладно подогнанными друг к другу бревнами. — А ежели сломаю — то ты меня вылечишь. Нет, что ли?

— С чего ты так решил? — приподняла одну бровь Эвелина.

— Мне бабка рассказала, как ты лихо колдуешь, — немного смущенно пояснил мальчик. — Рохану, почитай, с того света вытащила. И не побоялась даже с богами поспорить.

— До богов дело в данном случае не дошло, — улыбнулась девушка и тут же спросила, грозно нахмурившись: — А бабка-то твоя откуда может знать, как я колдовала? Выдумывает небось.

— Моя бабка никогда не выдумывает! — оскорбленный таким предположением, гордо выпрямился мальчик и тут же закономерно едва не навернулся с шаткого табурета. — Моя бабка — повитуха. Рядом стояла.

— Понятно, — лукаво улыбнулась девушка и блаженно потянулась. — Звать-то тебя как, герой?

— Не скажу, — показал язык мальчик. — Бабка говорит, мирскими именами тоже нехорошо раскидываться. Сама-то никому свое прозвище не говорит. Даже Рохана о нем не ведает, хотя подружки они — не разлей вода.

— Знала я одну колдунью, у которой просто не было мирского имени, — печально улыбнулась Эвелина. — Но совсем по другим причинам. Впрочем, быть может, твоей бабке

тоже некогда пришлось пройти через такое же испытание.

— Через какое? — заинтересовался мальчик, увлеченно обрывая лепестки с только что прикрепленного цветка.

— Неважно, — отмахнулась девушка и строго приказала — А ну брысь отсюда. Мне одеться надо.

Сорванец не стал возражать и быстро ускорился по своим делам. А Эвелина неторопливо откинула одеяло и наконец-то встала.

Время до полудня тянулось нескончаемо долго. Вокруг сустились люди, занятые непонятными приготовлениями. Эвелина предложила было помощь, но получила вежливый непреклонный отказ. Сразу стало понятно — несмотря на спасение Роханы, здесь к ней еще не скоро станут относиться как к равной. Если вообще такое время когда-нибудь наступит.

Эвелина вновь ушла на берег. Эта деревушка все больше и больше напоминала ей родное селение. Только теперь она могла постоять за себя не только словом, но и делом. Впрочем, глупо было обижаться на простых людей. Кто знает, какие лишения им пришлось вынести по вине имперцев.

В животе все сильнее и сильнее бурчало от голода. Правильно, ведь завтрак Эвелине сегодня даже и не подумали предложить, а время обеда уже давно прошло. Девушка вздохнула и задумчиво пожевала губами. Интересно, а как дела сейчас обстоят в Академии? Наверное, время послеобеденного отдыха подходит к концу. Подумала — и тут же вскочила на ноги, отгоняя от себя непрошеную случайную мысль. Не стоит сейчас вспоминать, не стоит. Еще рано.

— Что с тобой? — раздался позади чей-то звонкий голос. Эвелина обернулась, кляня себя за несдержанность. И почему-то совсем не удивилась, увидев утреннего знакомого. Мальчишка причесал растрепанные вихры и сейчас стоял перед ней, что-то пряча в карманах.

— Решила размяться, — соврала девушка, объясняя свой резкий прыжок. — А то совсем форму потеряю.

— Размяться? — Глаза у мальчонки стали похожи на два блюдечка. — Тебя что, учили боевому искусству?

— Нет, — вновь солгала Эвелина. — Просто... Знаю несколько приемов защиты.

— Врешь, поди, — недоверчиво протянул сорванец. — Зачем девчонку эдакому учить? Ей в доме самое место, детей рожать да мужа кормить.

— Ну почему же, — пожала плечами девушка. — В Рокнаре из пяти родов, делящих власть, три возглавляют женщины. Причем две из них входят в Совет Высочайших.

— Да ну?! — Изумление мальчика не знало границ. — Слава богам, у нас не так. Бабы по домам сидят, мужики — еду добывают. Болтают, что есть некоторые оторвы, — они из дома убегают да к отрядам гончих прибиваются. Но таких немного.

— Гончих? — теперь настало время удивляться Эвелине. — А это еще кто такие?

— Они порядок на островах блюдут, — пустился в путаные объяснения мальчик. — У нас ведь императора нет. Болтают, будто самый главный над всеми гончими и есть наш правитель. Только не поймешь — правда то или ложь. К нам гончие ни разу не приезжали. Мы справно плату отдаем, зачем к нам заявляться? А ежели суд какой — староста сам разберется, кто прав, а кто виноват. Ежели, конечно, кто недоволен его решением — может к гончим обратиться. Только давненько таких не бывало. У нас все свои. Чай, дураков нет чужих приглашать.

— А подать платите кому и чем? — продолжила расспросы девушка.

— Рыбой да остальным, что добыть получается, — ответил мальчик. — Староста в положенный день собирает все да на подводе в условленное место отправляет. Скоро, кстати, платить надо будет. А взамен — ножи да мелочовку хозяйскую.

— А если неурожай? — не отставала Эвелина.

— А ежели неурожай — меньше отвозим, — пожал плечами ее собеседник. — У гончих тоже разумение имеется. Бабка рассказывала, был у нас голод страшный. Меня еще на свете не было. Так гончие сами зерна привезли. Неужто у вас не так?

— Не так, — ограничилась кратким ответом Эвелина. — Совсем не так.

И надолго замолчала.

Мальчик мялся, не уходя, но и не присаживаясь рядом.

— Чего тебе? — наконец спросила девушка, несколько утомленная его присутствием.

— Я тебе поесть принес, — признался мальчуган и вытащил из карманов несколько раскрошенных сухарей.

— Спасибо, — растроганно поблагодарила Эвелина.

— Да не за что. — Так и не дождавшись приглашения, мальчик сам сел на невысокий пригорок. — Я эти праздники прекрасно знаю. Станут красоту наводить до позднего вечера, а покормить забудут.

Эвелина ласково улыбнулась и начала рассеянно грызть свою долю сухого хлеба.

— Кстати, Лином меня зовут, — все же открыл свое мирское имя мальчик.

— Чем обязана такому доверию? — со скрытой иронией в голосе поинтересовалась девушка.

— Бабка сказала, что ты вряд ли вред причинишь, — неохотно признал мальчик. — Потом, у вас же все равно в эту чушь не верят.

Эвелина промолчала, а Лиин тем временем продолжил:

— Знаешь, бабка мне многое в детстве рассказывала про империю. Будто у вас детей заживо едят, убить могут ради забавы.

— Мне то же самое рассказывали, — хмыкнула девушка. — Правда, про твою родину.

— Правда? — удивился мальчик. — Слушай, а боги у вас какие? Неужели правда непонятно кому поклоняетесь?

— Почему непонятно кому? — переспросила Эвелина. — Два старших бога, два младших. И пятый полубог-полустихия, что Судьбой повелевает.

Девушка приложила все свои усилия, но ее голос все же слегка дрогнул при упоминании о роде императора. К счастью, Лиин этого не заметил. Он что-то усердно подсчитывал в уме, прилежно загибая пальцы.

— Ничего не понимаю, — наконец признал он с тяжелым вздохом. — У нас так же. Правда, пятому богу мало кто поклоняется. Слишком уж непонятный он.

— А больше богов у вас разве нет? — Эвелина крепко сжала кулаки, не замечая, как ногти больно впиваются в кожу. — Гончие кому поклоняются?

— А кто ж этих гончих разберет? — легкомысленно рассмеялся мальчик. — У нас даже не все верят, что они люди. Кто-то считает их прямыми отпрысками богов. Уж очень часто они оказываются именно там, где нужнее всего. Да и не скрыть от них ничего. Говорят, бывший староста пытался часть урожая себе оставить, списать потери на неурожай.

— И что? — поторопила Лиина с рассказом девушка.

— С той поры у нас новый староста, — терпеливо разъяснил мальчик непонятливой

чужачке. — Даже жена его не сильно убивалась. Это ж последнее дело — у своих красть. Тем более таким трудом добытое.

— Занятно, — холодно произнесла девушка. — Чем больше ты мне о гончих рассказываешь, тем сильнее меня тянет с ними поближе познакомиться.

— Ты что! — сразу же испуганно втянул голову в плечи Лиин. — Ты ж из империи, тебя любая гончая без разбирательств прикончит. Даже не думай!

— Сам говорил, что им все становится известно, — чуть скривила уголки губ Эвелина. — Если они такие всемогущие — то мне и не спрятаться от них.

— Пожалуй, ты права, — согласился мальчик, не найдя, что возразить. — Но все ж сама-то на рожон не лезь.

— Конечно, — поспешила успокоить мальчика Эвелина и тихо, себе под нос, добавила: — По крайней мере, пока меч себе не достану.

Через некоторое время Лиин, извинившись, убежал по своим чрезвычайно важным мальчишеским делам. А Эвелина осталась одна, скрупулезно перебирая факты о Запретных Островах, которые узнала сегодня.

Вечером, когда на небосводе уже загорелись первые робкие звездочки, за ней наконец-то пришли. Иргон, по случаю праздника облаченный в свой лучший наряд, который от повседневного отличался лишь тем, что был относительно новым и безукоризненно чистым, пригласил Эвелину принять участие в обряде. Девушка последовала за мужчиной, пытаясь по пути вызнать, что ей предстоит делать. Муж Роханы лишь отмалчивался, таинственно улыбаясь.

Во дворе, ярко освещенном пляшущим пламенем нескольких костров, толпился народ. Иргону пришлось приложить немало усилий, чтобы провести свою спутницу на крыльцо дома. Распоряжалась ритуалом бабка Лиина. Она крепко вцепилась чужачке в руку, заставив девушку поморщиться от невольной боли.

— Сегодня мы присутствуем тут для того, чтобы дать мирское имя ребенку Роханы, — громко провозгласила старуха и, помолчав, продолжила еще громче, хотя это и казалось почти невозможным. — Он едва не погиб при родах. Я уже видела тень смерти над ним. Безымянным нет пути в обитель богов, и над девочкой висело страшное проклятие — умереть напрасно. Не уйти из мира достойно, не искупить своих прошлых жизней и вновь встать в долгую очередь ожидающих перерождения. Но ее спасли.

Старуха помолчала, словно собираясь с силами. И тем удивительнее было, что следующие слова она произнесла почти шепотом:

— Пусть чужачка, пришедшая с враждебных берегов, исполнит сегодня обряд. Она принесла с собой добро, и добрым станет путь ребенка по жизни.

Рохана, закутанная в белую просторную шаль, поднесла девушке ребенка. Эвелина неловко взяла младенца на руки. Она еще никогда в жизни не видела так близко столь маленького ребенка. Девочка, словно почувствовав растерянность Эвелины, тут же залилась громким протестующим ревом.

— Говори имя! — приказала повитуха.

А Эвелина вдруг засомневалась. Она всматривалась в искаженные плачем черты лица девочки и размышляла. Сначала девушка хотела дать ей имя своей матери. Но стоит ли тревожить память давно умерших? Тем более если после смерти они обрели покой и счастье. Нет, не Эльзой будут звать этого ребенка. Но как же тогда?

— Риена, — твердо сказала наконец Эвелина. Да, так будет правильно. Высокая из рода

Младшей Богини многое сделала для нее. Наверное, это лишь самая малость, которой девушка могла бы отблагодарить свою бывшую наставницу. Жаль, что та вряд ли узнает о поступке бывшей ученицы.

Словно в ответ на невысказанные мысли Эвелины огонь ближайшего костра всколыхнулся и, жарко затрепав, выплюнул в ночное небо целый столб оранжевых искр.

— Хороший знак, — одобрительно кивнула повитуха. — Вижу, твое пребывание у нас будет долгим и счастливым.

Эвелина нашла в себе силы ответить на слова старухи вежливой улыбкой. Но она точно знала — повитуха ошибается. Хотя пока даже представить не могла — насколько сильно.

Было скучно. Эвелина не знала, чем себя занять. Она уже полностью восстановилась после полета и той ночи, когда пришлось потратить все свои силы, спасая Рохану с новорожденной девочкой. Временами еще накатывала слабость, но приступы быстро проходили. Беспокоило девушку лишь то, что иногда шрам на запястье багровел и наливался болью. В такие дни Эвелина металась, не зная покоя. Это казалось ей дурным предзнаменованием. Вдруг знак императора может открыть ее убежище, вдруг он указывает — где именно искать беглянку. Но проходили дни, боль успокаивалась, а жизнь в поселке текла по-старому. Никто не тревожил девушку. Даже островитяне привыкли к ее присутствию и меньше косились в сторону чужачки. Не появлялись и таинственные гончие. Им давно была отправлена своеобразная дань от островитян и, как девушка подозревала, в подробностях рассказана история ее появления на островах. Но гончие не торопились наведаться с вопросами к изгнаннице. Эвелина пока не понимала — радоваться этому или огорчаться.

Порой девушка даже мечтала встретиться со здешними хранителями порядка. Она точно знала, что Дэмиен не оставит ее в покое и рано или поздно обязательно предпримет попытку вновь разыграть карту предсказания Дарина. В этой еще не начавшейся схватке ей была просто необходима любая помощь. Император теперь слишком силен, чтобы выстоять против него в одиночку. У него в руках мощь трех Высочайших, власть над могущественной империей и преданность одного из крупнейших родов, любой представитель которого почтет за счастье умереть во имя своего правителя. Эвелине было нечего противопоставить этому. Лишь туманное пророчество, чьи слова можно было трактовать любым образом — и далеко не всегда в пользу девушки. Смешно сказать, но у нее и оружия никакого нет. Впрочем, императора она все равно не сможет убить собственноручно, даже если боги внезапно решат посмеяться над смертными и предоставят ей подобный шанс. Слишком серьезную клятву Дэмиен заставил Эвелину принести некогда. Слабым утешением служило лишь то, что и он не имеет права поднять против нее меч. Хотя не смерти желал император для бывшей ученицы, скорее наоборот — новой жизни. В битве против столь опасного противника лишь чудо могло спасти девушку. Чудо или появление шестого Высочайшего, который, если не врут легенды, должен быть сильнейшим из всех остальных. Но до сих пор Эвелина не была уверена в его существовании вообще, — что уж говорить о том, согласится ли этот Высочайший сразиться с императором. Рокнар не так далеко от Запретных Островов, да и противник из Дэмиена получится слишком серьезный и опасный. Лучше худой мир, чем кровопролитная война. И Эвелина вполне может послужить залогом дальнейших добрососедских отношений. Что мешает просто подарить ее императору в обмен на обещания мира, данные Дэмиеном?

Поэтому девушка все чаще задумывалась о том, что, с одной стороны, просто глупо искать встреч с гончими. Но с другой стороны, они казались ей единственной надеждой на спасение от императора. Рано или поздно — она знала точно — ей придется встретиться с императором, предстать перед торжествующим взором его светлых глаз. И в этот момент девушке нужны будут любые союзники. Иначе и врагу не пожелаешь ее дальнейшей судьбы. Дэмиен найдет способ получить от Эвелины то, о чем так долго мечтал. А потом разделается с надоедливой букашкой, посмеившей перечить ему. Император обязательно отомстит за свое унижение, и отомстит страшно! Чтобы другим неповадно было даже думать о возможности бунта.

Такие тяжелые мысли все чаще и чаще посещали голову Эвелины. Она уходила из дома Роханы еще на рассвете. И долго прутиком чертила замысловатые узоры на песке побережья, пытаясь понять, как же следует поступить. Набегающие волны с шипением заливали босые ноги девушки, стирая четкие линии рисунка. Тогда Эвелина думала — как было бы здорово так же стереть прошлую жизнь, начать все с чистого листа. И принималась рисовать заново.

Проходили дни, складываясь в недели вынужденного безделья. Эвелина волей-неволей начала задумываться о дальнейшей дороге. Невозможно вечно скрываться в безымянном поселке. Нет, она знала точно, что Рохана и словом ее никогда не попрекнет, напротив, будет счастлива оттого, что хоть так можно отблагодарить чужачку за помощь. Но спокойнее от этого не становилось. Слишком монотонной и размеренной была жизнь в этом поселении. Если сначала девушке нравился неспешный деревенский быт, напоминавший детство на Лазури, то потом он ей наскучил.хлопоты по хозяйству не приносили успокоения. Даже пустяковая помощь островитянам не отвлекала от невеселых раздумий. В груди все чаще замирало от тревожного предчувствия. Эвелина знала точно — пора уходить. Она просто ждала удобного случая. Но произошло все совсем не так, как рассчитывала девушка.

Эвелина по обыкновению сидела на берегу, наблюдая, как красный шар солнца скрывается в водах усталого океана. Для середины осени стояла на удивление хорошая погода. Девушка привыкла, что в это время у нее на родине давно безраздельно властвовало осеннее ненастье с нередкими заморозками и сильным ветром. Но тут даже ночью было весьма тепло. Конечно, без теплой одежды не обойтись, зато днем можно наслаждаться довольно жаркой погодой. Некоторые особо отважные осмеливались и на купание, веселыми переговорами и криками скрашивая одиночество чужачки.

Девушка насторожилась. Неожиданно затих детский смех. Шум от плескания ватаги ребятишек, расположившихся неподалеку, смолк. Наступившую неожиданную тишину нарушал только тихий шорох прибоя, игравшего с прибрежной галькой.

Эвелина завертела головой, пытаясь понять, что случилось. И тут раздался отчаянный крик. Дикий, полный животного ужаса. Девушка даже не поверила сначала, что так может кричать человек.

Крик повторился уже ближе. Эвелина вскочила на ноги и сжала кулаки, все еще не понимая, что случилось. И тут она увидела...

На первый взгляд казалось, что волны несут к берегу огромную кучу бесформенного мусора, переплетенного водорослями. Но уже через миг стало понятно, что это обман зрения. К берегу быстро приближалось что-то живое и чрезвычайно опасное. Вот непонятное создание повернулось боком и выпустило вперед мясистое толстое щупальце.

«Что это? — мелькнуло в голове. — Какое большое».

Додумать эту мысль Эвелине не удалось. Потому что она вдруг заметила, как с

мелководья на берег врассыпную бросились ребятки, громко вереща от страха.

«Успеют, — с облегчением подумала девушка. — Должны успеть».

И тут же осеклась. Только сейчас она увидела, как на расстоянии в несколько сотен шагов от нее к берегу, выбиваясь из сил, гребет один из смельчаков, который, по-видимому, решил искупаться подальше от надоедливой и шумной детворы. Или просто хвастался перед товарищами своим мастерством и отвагой?

— Быстрее! — закричал рядом один из мальчишек, с ужасом наблюдая за приближением чудовища. — Быстрее, Лиин, а не то он сожрет тебя!

— Лиин? — машинально удивилась девушка.

На ее вопрос никто не ответил, да Эвелина и не ожидала этого. Она с замиранием сердца следила, как стремительно и грациозно по верхушкам волн к берегу мчится тень морского чудовища. Лиин хорошо плавал, но он не успевал, никак не успевал добраться не то что до берега — хотя бы до места, где уже можно стоять на ногах. Разве в силах человека соперничать в скорости с тем, кто всю жизнь провел в воде?

— Не успеет, — тихо сказал мальчуган, который ранее поторапливал товарища, и опустил голову. По его щеке прокатилась крупная слезинка.

Эвелина больно закусила губу от этих безнадежных слов. Затем сощурилась, прикидывая расстояние до чудовища. Слишком далеко, пока не достанет.

— Что это? — процедила она, с силой хватая мальчика за рукав. — Быстро говори, что это за дрянь! Реветь потом будешь.

— Это криан, — послушно затараторил сорванец, давясь и глотая слезы. — Говорят, любимое создание Младшего Бога. Пришел за своей данью.

— Ну, это мы еще посмотрим, — жестко усмехнулась девушка, не отводя пристального взгляда от кошмарной сцены, развернувшейся перед ней на море. — Убить-то его можно?

— Нет! — испуганно закричал ребенок. — Если его обидеть — явится целая армия подобных, которые будут мстить за сородича.

— Да ты трус, — спокойно констатировала Эвелина, бросая укоризненный взгляд на залившегося пунцовой краской стыда мальчика. — Так легко от друга отказываешься.

— Разве мы друзья? — тихо, себе под нос буркнул сорванец и покраснел еще сильнее. — Он меня вчера поколотил за просто так. И вообще сам виноват. Нечего было хвастаться...

— Понятно, — поморщившись, прервала его девушка и потянулась, разминая мышцы. За время недолгого разговора чудовище подплыло достаточно близко для того, чтобы можно было попытаться ударить. Дело осложнялось тем, что и Лиин находился где-то рядом. Солнце практически село, но все еще слепило глаза, мешая определить точное местоположение ребенка. Тем более что у Эвелины было мало опыта по нанесению магических ударов с такого расстояния. В Академии обучали бою в непосредственной близости от противника.

С легким хлопком из пальцев, сложенных особым образом, в сторону криана ушел небольшой шар белого огня. Он не долетел самую малость до чудовища, с громким негодующим шипением упав в воду прямо у его переднего щупальца, которое уже рыскало по воде, пытаясь нащупать добычу. Морской гад немного отпрянул назад от неожиданности, а Лиин одним отчаянным гребком приблизился к берегу на целую пару шагов.

Эвелина довольно усмехнулась. Она не хотела убивать криана. Чужие обычаи надо уважать. Но и ребенка в жертву приносить не собиралась. Главное — удерживать чудовище подальше от мальчика, пока тот не доберется до берега. На это сил у девушки должно было

хватить. Главное — не промахнуться. Девушка прищурилась, оценивая расстояние, и приготовилась нанести еще один удар.

Сначала Эвелина даже не поняла, что произошло. Ее руку пронзила сильная жгучая боль, принеся с собой онемение. Шар огня, уже готовый сорваться с пальцев, замерцал и тихо лопнул.

— Не смей! — Мальчуган попытался было стукнуть ее еще раз по руке подобранной невесть где палкой, но Эвелина без труда увернулась и выбила дубинку.

— Ты с ума сошел?! — возмущенно закричала она, растирая предплечье. — Не видишь, что ли, я спасти его хочу!

— Нельзя убивать криана, — упрямо глянул на нее мальчуган исподлобья. — Иначе мы в океан больше не выйдем. Все морские гады будут караулить у берега. Сдохнем от голода.

Эвелина сдержала рвущиеся с языка гневные слова. Она еще успеет высказать все, что думает о маленьком трусе. Вместо этого девушка с замиранием сердца обратилась в сторону океана. Жизнь Лиина сейчас важнее.

За короткое время перебранки чудовище успело вплотную подобраться к мальчику. Тот уже не мог грести к берегу с прежней скоростью — слишком устал. Но еще сражался за свою жизнь. Чудовищная по размерам туша криана нависала над головой ребенка. Еще миг — и она обрушится, накрыв мальчика. Эвелина зажмурилась и зашептала. Неведомый советчик, который так часто вкладывал в ее уста слова нужных заклинаний, пришел на помощь и в этот раз. Девушка творила страшное, смертельное колдовство. Не обращая внимания на тех, кто хотел помешать. Первый же попытавшийся вновь ударить имперку по руке, отлетел далеко в сторону, походя откинутый невидимой силой.

В ладонях Эвелины рождалось новое солнце — настолько ярким был свет магического шара. По небольшой кучке ребятишек, успевших окружить чужачку плотным кольцом, прокатился вздох восхищения. Которое тут же завершилось вскриком отчаяния, когда пламя сорвалось с пальцев девушки и ринулось в сторону чудовища. Эвелина замерла, не смея посмотреть на творение рук своих.

Сначала показалось, что она промахнулась. Целый миг ничего не происходило. Черное, покрытое разводами тины и паутиной водорослей тело чудовища стало опускаться, таща за собой мальчика. Тот даже не закричал — настолько ослаб от гонки и страха. Но вдруг что-то случилось. Слепящая стена сплошного огня отсекла криана от жертвы, легко корежа и отрывая щупальца. Морской гад, еще не понимая, что происходит, вновь попытался добраться до добычи — такой близкой и такой желанной. Он не видел, что угодил в западню, что его окружает кокон пламени, который потихоньку сжимается. А когда осознал — взвыл, даже не от боли — от негодования. По толпе, собравшейся на берегу, прокатился вздох. Разочарования или облегчения — Эвелине было некогда разбирать. Судьба криана ее больше не интересовала. Надо было спасать мальчика. Тот наглотался соленой морской воды и из последних сил барахтался на поверхности. По тому, с каким немым отчаянием Лиин вытягивал голову, было понятно, что еще миг или два — и он неминуемо пойдет ко дну.

Эвелина забормотала вновь. На сей раз ей самой пришлось придумывать заклинание, тщательно подбирая слова. Голубоватый свет лился с пальцев девушки, струился по направлению к ребенку. Не выдержав, Лиин застонал и надолго ушел под воду, заставив наблюдавших за схваткой с берега вскрикнуть. Чужачка же была на удивление спокойна. Она знала, что успевает.

И успела. Лиина вынесло на берег через несколько мгновений. Волна нахлынула под

ноги девушки, принеся с собой ребенка. Тот ошарашенно мотал головой, пытаясь понять, что произошло.

— Лиин! — кинулся к спасенному мальчуган, недавно ударивший Эвелину в попытке остановить ее. — Как я рад, Лиин! Как я переживал за тебя!

Девушка поморщилась. От этих слов тянуло таким лицемерием, что ей стало противно. Впрочем, кто она, чтобы иметь право судить людей? Дети жестоки и не всегда осознают, что поступили дурно.

Беспокоило Эвелину другое. Кроме мальчугана, так быстро забывшего свое невольное предательство, больше никто не спешил поздравлять Лиина с чудесным спасением. За время недолгого поединка на берегу собралось, пожалуй, почти все население деревни. Девушка передернула плечами. Она чувствовала себя неуютно под молчаливыми осуждающими взглядами собравшихся.

— Я сделала то, что была обязана сделать, — поняв, что никто не рискнет первым прервать молчание, бросила Эвелина. — И не жалею об этом.

Ее не пытались остановить, когда она понурившись уходила с берега. Понятное дело, за время, проведенное в поселке, девушка достаточно часто показывала, на что способна. Впрочем, Эвелину не радовала такая слава. Слишком много внимания привлекла она к себе за последние недели.

За спиной девушки в быстро темнеющих багровых водах покачивалась мертвая туша криана. Но только чайки радовались небывалому пиршеству. Люди молчали.

Эвелина знала, что за ней придут. Она даже не пряталась особо — просто сидела во дворе дома Роханы и рассматривала свой новый наряд. Знахарка давно выполнила свое слово и подарила девушке цветастую широкую юбку и блузку, как две капли воды похожую на ее собственную. Свои вещи девушка запретила выбрасывать. Словно чувствовала, что они еще пригодятся. И не ошиблась, к сожалению...

Упрямо тряхнув головой, Эвелина ушла в дом и переоделась. Тщательно выстиранная одежда уже не пахла Академией и благовониями императорских покоев. Пожалуй, с таким нарядом можно смириться. Все равно ничего иного нет на замену.

Немного подумав, Эвелина сунула в карманы пару кусков хлеба. Мало, конечно, но большего требовать стыдно. И так она слишком долго обедала гостеприимную семью. На прощание ласково погладила по щеке маленькую Риену, сладко сопящую в колыбельке. Девочка, не просыпаясь, зачмокала губками и громко чихнула.

— Будь счастлива, — шепнула Эвелина.

И вышла из избы.

Во дворе было светло от множества факелов. За время ее недолгого отсутствия на маленьком пятачке собралось, пожалуй, слишком много народу. Люди стояли плотно, плечом к плечу, грозно выставив перед собой рогадины и дубины. Девушка с нарочитым удивлением подняла брови и осталась на крыльце, ожидая продолжения. Сила сейчас переполняла ее. Она была уверена — при необходимости ей не составит труда раскидать эту толпу. При особом желании — даже убить. Но она хотела дождаться первого шага со стороны островитян.

Пауза слишком затянулась. Наконец толпа заволновалась и расступилась, пропуская вперед Иргона. Мужичок переминался с ноги на ногу и нерешительно кашлял, не зная, как начать. А чужачка не торопилась прийти ему на помощь, буравя внимательным взглядом темных насмешливых глаз.

— Это, — наконец начал Иргон, постоянно запинаясь. — Мы тут подумали... Ты плохо поступила сегодня.

— Да неужели? — издевательски улыбнулась Эвелина. — Спасение ребенка — это плохой поступок?

— Нет, — окончательно стушевался мужчина. — Ты не так поняла. Это, мы рады, что Лиин остался жив. Но... криана-то убивать не стоило.

Эвелина могла бы сказать, что не собиралась уничтожать чудовище. Не по ее вине пришлось прибегнуть к столь решительным мерам. Надо сказать спасибо тому мальчугану, который ударил ее по плечу. Но девушка промолчала. В Академии имперку научили самой отвечать за свои поступки — независимо от того, что послужило их причиной.

— И дальше? — холодно поторопила она Иргона, который надолго замолчал. — Вы теперь намерены принести меня в жертву морским чудовищам, чтобы задобрить их?

По тому, как встревоженно переглянулись островитяне, девушка поняла, что попала в самую точку. Эвелина невольно поморщилась. Ей было стыдно и обидно.

— Я, конечно, хотела бы спросить у тебя, Иргон, какими были бы твои слова, если бы сегодня в воде барахталась Риена, — презрительно протянула чужачка. — Но не буду. И так все понятно. Что ж, рискните остановить меня.

— Ты не имеешь права уйти! — выскочила вперед стройная светловолосая женщина, в глазах которой метались отчаяние и боль. — Мы все погибнем из-за тебя!

— Вы уже погибли, — хмыкнула Эвелина. — Вас выгрыз изнутри ужас, и вы даже не заметили, как сами превратились в чудовищ. Мне жаль.

Толпа зарокотала от последних слов и придвинулась ближе. Девушка без боязни смотрела в лица. Блики пламени искажали их, делая похожими на звериные морды. Она пыталась найти среди них хоть одно человеческое. Но не могла. Радовало лишь то, что среди этого сборища не было Роханы и бабки-повитухи. Девушка надеялась, что хоть они откажутся участвовать в импровизированном судилище.

Люди, не встречая сопротивления, качнулись вперед. И тут же отпрянули — Эвелина выпустила наконец-то ярость, так долго просившуюся наружу. Ярость не на этих жалких людишек — на себя. На то, что поверила в их благородство, простоту и сердечность. И на то, что вновь обманулась. Бешенство вспыхнуло в зрачках огненными искрами.

— Еще один шаг — и я начну убивать, — просто сказала девушка. Солгала, конечно. Кого убивать? Тут и несложного заклинания будет достаточно, чтобы все разбежались по домам. Зачем без крайней необходимости доводить до кровопролития и привлекать к себе лишнее внимание. Гончие могут проигнорировать сообщение про странную иноземку. С трудом, но хотелось бы верить, что они не обратят внимания на то, с какой легкостью она расправилась с крианом. Однако чужачку не простят, если по ее вине погибнут люди. И откроют на нее показательную охоту.

Однако в ложь Эвелины поверили все и сразу. Кто-то в дальних рядах сдавленно вскрикнул, когда толпа слаженно, словно один человек, стала пятиться. А потом и вообще рванула наутек, позабыв побросать факелы. В темноте мелькали всполохи пламени, люди громко переругивались и пытались спрятаться. В любой другой день девушка бы от души посмеялась над этим забавным действием. Но не сегодня. Сейчас она была слишком зла.

Дорога ластилась к ногам Эвелины. Чужачка неслышно пересекла деревеньку и углубилась в скалы, промеж которых петляла узенькая тропинка. Прохладный ночной ветерок заставил девушку передернуть плечами и пожалеть о своей беспечности. Пожалуй,

хоть плащ из дома Роханы она могла бы прихватить. Теперь же придется мерзнуть ночами. И ведь не за горами зима...

Темнота не смущала девушку. Света звезд и яркой в это время года луны вполне было достаточно, чтобы различать во мраке белые камни дорожки. Эвелина шла и шла, ощущая, как потихоньку гаснет в сердце негодование на жителей деревни. По здравому разумению выходило, что они не были ни в чем виноваты. Просто старались уберечь себя и детей от предполагаемой мести моря. И жизнь иноземки — не такая уж большая цена за спокойствие целого поселка.

Девушка практически не удивилась, когда за ближайшим поворотом вдруг различила в темноте две женские фигуры.

— Что вы тут делаете? — спросила она, подходя ближе. Луна, показавшаяся в разрывах облаков, осветила мрачное лицо повитухи и заплаканное — Роханы.

— Тебя ждем, — буркнула бабка. — Знали, что без труда из поселка уйдешь.

— Попробуете вернуть? — с легкой иронией спросила Эвелина.

— Не думала я, что ты такого плохого о нас мнения, — презрительно сплюнула бабка, а Рохана вновь затряслась в беззвучных рыданиях. — Спасибо я сказать хотела. Внука мне спасла.

— Твои соседи думают по-другому, — мягко возразила девушка. — По их словам, я была просто обязана бросить Лиина на произвол судьбы.

— Плевать мне на то, что они думают, — не выдержав, гневно вскричала повитуха. Потом, успокоившись, продолжила: — Они не знают, каково это — быть одной на свете. Лиин мой единственный внук. У меня, кроме мальчугана, никого из родных нет. Дочь при родах умерла, я ее не смогла спасти.

Тут голос повитухи надломился и затих. Эвелина спокойно ждала продолжения. В последние годы она слишком часто становилась свидетелем людских бед и горестей.

— А муж у нее еще раньше умер, — хрипло произнесла бабка. — В шторм из моря не вернулся. Хотел, чтобы семья ни в чем не нуждалась. Вот и проводил, почитай, все время за ловлей рыбы.

— Мне жаль, — тихо сказала девушка.

— Я думаю, море вдосталь насытилось кровью моей семьи... — Повитуха запнулась и посмотрела в сторону океана. — Еще и внука отдавать я не намерена.

— Ему придется тяжело, — осторожно заметила Эвелина. — Остальные вполне могут принести его в жертву, дабы исправить содеянное мной.

— Не принесут. — Повитуха показала в хищном оскале на удивление крепкие и здоровые зубы. — Знают, что в таком случае я уйду. И заберу свое имя.

— Ты пожертвовала именем? — скорее по необходимости удивилась чужачка. Она уже давно догадывалась об этом. — Во имя чего? Во имя благополучия деревни?

— Можно сказать и так, — прошептала бабка. — Жаль, что благословение небес не коснулось моей семьи. Но так всегда бывает. Нельзя просить богов за себя.

Девушка промолчала. В наступившей тишине стало слышно, как судорожно всхлипывает знахарка.

— И все же я отправила бы Лиина подальше, — наконец произнесла Эвелина. — Отчаяние и суеверие могут толкнуть на страшные и непоправимые дела.

— Не беспокойся, — криво усмехнулась бабка. — На следующей неделе подвода идет к гончим. Я мальчугана с ней отправлю. А до того момента — рядом будет ходить, за мою

юбку держаться. Жаль, конечно, что в старости опоры лишусь. Но ничего. Проживу как-нибудь. А ему будет полезно свет повидать. Гончих кормят хорошо, говорят. Грамоте выучится.

Эвелина и в этот раз сдержала слова, так и просящиеся с языка. Она посмотрела на Рохану.

— А ты почему плачешь? — несколько грубо спросила девушка. — Не бойся, с твоей семьей все хорошо. Я лишь пару кусков хлеба в дорогу прихватила.

— Прости Иргона, — жалобно попросила знахарка. — Он хороший человек, просто иногда бывает чересчур осторожен. Пожалуйста, не держи на нас зла.

Девушка поморщилась. Она чувствовала себя неловко — никак не могла подобрать нужных слов.

— Я не сержусь, — наконец произнесла Эвелина осторожно. — Я все понимаю. Спасибо тебе за гостеприимство.

Рохана всхлипнула еще раз и с неожиданной твердостью взяла девушку за руку.

— Тебе нельзя так уходить, — сказала она. — Ты замерзнешь ночью.

— А есть другие варианты? — с невольной усмешкой поинтересовалась было чужачка и вдруг осеклась. Рохана едва заметно кивнула повитухе, и та достала из своей необъятных размеров котомки плащ. Затем бережно накинула его девушке на плечи. Только теперь Эвелина поняла, как замерзла. Блаженное тепло поползло по озябшим пальцам.

— Это еще не все, — строго произнесла знахарка, небрежным жестом прерывая девушку, которая хотела ее поблагодарить. — До ближайшего села несколько дней пешком. На одном хлебе не уйдешь далеко. Мы тут снеди приготовили.

И женщина с поклоном протянула чужачке увесистый узелок, от которого чрезвычайно аппетитно пахло.

— Спасибо, — растроганно сказала девушка. — Большое спасибо.

Они не стали прощаться. Просто поклонились и пошли каждая своей дорогой. Эвелина тогда еще не знала, что ее путешествие окажется весьма и весьма коротким. Зря Рохана шепнула ей на прощание имена своих родных в соседнем селении, где девушку встретили бы и накормили. Чужачке не суждено было добраться до этого поселка. Но это случится потом. Пока же она неторопливо шла среди ночной мглы. И почему-то улыбалась.

Позади был второй день путешествия. Эвелина никуда не спешила. По здравому разумению, еды на путь до соседнего поселка ей хватало с избытком. Да и погода стояла теплая и безветренная, поэтому девушка шла в свое удовольствие — много отдыхала, иной раз даже сворачивала с тропинки, чтобы полюбоваться на особенно красивое дерево или посидеть на краю обрыва. Только теперь она поняла, как все-таки устала от общения с простоватыми и наивными островитянами. И, пожалуй, впервые ощутила терпкий привкус печали. Нет, девушка не скучала по Академии. Но ей не доставало споров, разговоров. Не простых рассуждений об урожае или предстоящей зиме, которых она слышала в деревне довольно, а чего-то большего. Девушке не хватало едких споров с дядей, ядовитых замечаний сокурсников, которые помогали в нужный момент собраться и совершить невозможное.

Дорога вилась и вилась перед ней. Иногда скрывалась за поворотом скалы, иногда петляла и ныряла в сумрачную тень рощиц. Заблудиться Эвелина не боялась. За все это время ей ни разу не встретилось ни одной развилки. Знай иди да иди вперед.

К исходу второго дня тропинка окончательно свернула с прибрежных камней и

углубилась в лес. Эвелина вздохнула с облегчением. Все-таки на открытой местности она чувствовала себя неуютно. Казалось, ее фигура видна на многие мили окрест. Нет, имперка не боялась погони, но среди деревьев ей было спокойнее.

Девушка никогда не видела таких растений, которые росли на Запретных Островах. Вот стоит высоченный — в несколько человеческих ростов — гигант с землистого цвета корой. Даже удивительно, что его пощадил ветры, которые часты на побережьях в сезон штормов. Ан нет, впился узловатыми толстыми корнями в почву и лепечет путнику что-то загадочное красноватой своей листвой. А по мшистому стволу вьется зеленая плеть совсем уж непонятного происхождения. Вроде лиана, а дотронешься рукой — по стеблю идет дрожь, словно погладила живое существо.

Эвелине нравилось здесь. Она не чувствовала опасности в этих лесах. И, как оказалось, зря.

Вечером, когда девушка совсем собралась остановиться на ужин и отдых, ее слуха коснулось тихое болезненное причитание. словно где-то рядом плакал ребенок. Эвелина поморщилась. Она была слишком хорошо научена горьким опытом, чтобы стремглав бросаться на помощь. Помнится, не так давно Дэмиен подобным способом и заманил ее в ловушку. Поэтому девушка лишь плотнее запахнулась в плащ и с легким вздохом сожаления встала, спеша уйти в глубь леса.

Плач приблизился и стал громче. Его перебивали чей-то громкий смех и пока еще неразборчивые слова. Девушка засомневалась, на миг задумавшись.

«Только посмотрю, — мелькнула мысль. — Вмешиваться не буду, хоть станут убивать на моих глазах».

Подходящее убежище отыскалось на удивление быстро. На дальних подступах к полянке темнела гора валежника, в которой нашлось удобное место для наблюдения. Девушка легла на прелую листву, прикрывшись сверху темным плащом, и приготовилась ждать.

Спустя несколько томительных мгновений на небольшую прогалину вышли три человека. Даже не так — вышли двое, один из которых тащил за собой на цепи пленника, а другой неторопливо шагал рядом. Человек на цепи упирался, извивался, изредка принимаясь уже знакомым голосом хныкать. В свете закатного солнца было видно, что пленник совсем молод — возраста принятия имени. Темные нечесанные волосы грязной гривой падали на глаза, просторная, серая от пыли рубаха не скрывала жуткой худобы несчастного. Он поминутно падал на колени и хрипел, пытаясь сорвать ошейник. Каждая такая попытка заканчивалась неудачей — мужчина с силой дергал за цепь, волоча жертву за собой. Затем останавливался, ожидая. Пленник успевал за это время встать. И вновь рывок за цепь, и вновь несколько шагов несчастный буквально полз на брюхе.

Эвелина перевела взгляд на тех, кто так жестоко обращался с ребенком. Сытые, ухоженные, в дорогой, явно не крестьянской одежде. И вооруженные. Глаза Эвелины вспыхнули восторгом, когда она увидела мечи, которые красовались на перевязи у негодяев. Ради такого трофея стоило рискнуть. Вряд ли обитатели здешних мест хорошо знакомы с боевой магией и коронными приемами имперцев.

Тем временем странное шествие остановилось практически в нескольких шагах от убежища девушки.

— Неплохое место, — лениво заметил мужчина, который тащил ребенка на цепи. Повел плечами и потянулся. Девушка пробежалась глазами по коренастой фигуре будущего противника, облаченного в кожаные черные штаны и вышитую цветастую рубаху. Хорош,

ничего не скажешь. Хотя сразу видно — в еде не умерен. Мышцы жирком заплыли, над поясом нависает брюшко.

— Сойдет, — буркнул второй, останавливаясь неподалеку. Эвелина перевела на него взгляд и поморщилась. Вот этот будет серьезным противником. Поджарый, в просторной одежде, не стесняющей движения. Цепкий холодный взор карих глаз, которые так и обшаривают окрестности. А ладонь с рукояти меча не спускает ни на миг. Плохо, очень плохо.

— Ну что, сейчас прикончим али момента положенного подождем? — лукаво спросил толстячок.

— Подождем, — пожал плечами собеседник. — Спешить некуда. В поселке без нас разберутся.

— Как скажешь, Далион, — с легким оттенком неудовольствия произнес мучитель, вновь дергая цепь и роняя несчастного на землю. — Ты у нас предводитель, тебе и решать.

— Спасибо за доверие, Шари, — спокойно отозвался мужчина и тут же рассмеялся. — Да не беспокойся ты так об ужине! Сейчас эту мразь прикончим и быстрее ветра домой вернемся. А заодно в соседний поселок заглянем. Говорят, там иноземка объявилась. Болтают, что прямо из империи.

— Да ладно! — не поверил Шари. Затем закатил глаза и сладострастно причмокнул. — Хорошо бы из империи. Они в постели прям огонь настоящий.

Эвелину передернуло от отвращения, а Далион с любопытством посмотрел на товарища.

— А ты-то откуда знаешь? — весело спросил он. — Поди, опять бредней кого из младших гончих наслушался? Они любят присочинить что-нибудь о своих подвигах. Мальчишки, что с них взять. Я думал, ты поумнее будешь.

— А я и есть умнее, — недовольно возразил толстяк, несколько тушуясь. — Была у меня когда-то деваха из империи. В постели — ураган и землетрясение. Словом — все напасти Младших Богов.

— Да неужели? — одними уголками губ улыбнулся Далион. — И почему, интересно, я об этом не знаю? Или ты скрывал ее от гончих?

— Не скрывал, — окончательно смутился мужчина и раздраженно дернул за цепь, в очередной раз заставив пленника захрипеть и упасть на колени. Далион поморщился, а его собеседник тем временем продолжил, тщательно подбирая слова: — Просто подумал, что тебе это будет неинтересно. Все ж личное дело.

— Ты всерьез полагаешь, что в личные дела старшей гончей никто не смеет вмешиваться? — издевательски переспросил Далион и с легкой угрозой в голосе произнес: — Смотри, Шари. Ты мой друг, и тебе многое прощается. Но не переходи за грань. Иначе даже мне не удастся уберечь тебя от судилища. Ты знаешь, как оно обычно происходит. Ничего приятного.

— Да что я такого сделал-то? — не выдержав, взорвался толстяк. — Переспал пару раз с девчонкой. Та утверждала, будто из империи. Из ихней столицы, как ее, Доргон, что ли. Откуда я знаю, врала или нет. Может, цену себе набивала.

— Сразу бы так, — спокойноотреагировал Далион на вспышку негодования своего товарища. — Нечего меня заставлять беспокоиться о пустяках, думать о всяких нехороших вещах.

Эвелина нахмурила лоб. Она не поняла, на что намекал незнакомец. А вот Шари, похоже, без особых проблем уловил мысль приятеля.

— Ты что? — задохнулся он от волнения. — Ты в самом деле мог бы заподозрить меня в измене?

Далион не стал отвечать на этот вопрос. Но по тому, как хищно он усмехнулся, Эвелина поняла — не только мог бы, но уже заподозрил. Происходящее нравилось ей все меньше и меньше.

— Ладно, не будем о грустном, — великодушно замял Далион неприятный разговор и перевел задумчивый взгляд на небо. Солнце не так давно село. По земле расползались мокрые влажные щупальца белесого тумана. Между деревьями поселился мрак, пока несмелый. Но еще немного — и станет окончательно темно.

— Может, того? — тоскливо спросил Шари. — Кончим ее и домой? Чего луны-то ждать?

— Пусть все будет по правилам, — терпеливо разъяснил мужчина. — Они не нами придуманы, не нам их и нарушать. Лучше костер разведи. А я твою пленницу подержу.

Эвелина сжалась от ужаса. Если незнакомцы и в самом деле решат запалить огонь, то ее укрытие будет раскрыто. Вряд ли они пройдут мимо такой кучи дров. Но, к ее удивлению, Шари даже не посмотрел на валежник. Просто прищелкнул пальцами — и ближайший трухлявый пенёк ярко запылал.

— И когда ты только научишься силу беречь, — недовольно покачал головой Далион. — Магия никогда не была твоей любимой наукой, чтобы так легко разбрасываться заклинаниями.

— Да ладно, — захохотал толстяк, довольный произведенным эффектом. — Чего нам опасаться? Раз в год можно и покрасоваться. Тем более ты меня в обиду не дашь.

— Я не всегда буду рядом, — тихо пробурчал мужчина.

Его собеседник сделал вид, будто не расслышал последних слов приятеля, а Эвелина вновь задумалась. Угрозой же ее наткнуться сразу на двух магов. Ну ладно, Шари, предположим, она без проблем из строя выведет. Он и в самом деле маг слабенький. Но вот Далион будет противник посерьезней. Воспользоваться эффектом неожиданности и ударить сначала в него? А потом хвастуном заняться? Все равно опасно. Только, пожалуй, другого выхода и нет. Предположим, она молча стерпит смерть невинного в паре шагов. Так ведь после этого они в поселок заявятся. И быстро разузнают, что птичка вылетела на свободу. Дорога тут одна, найти ее не составит особого труда. Объявят охоту. А сталкиваться безоружной с целой сворой гончих — нет уж, спасибо. Тем более после подслушанного разговора. Вряд ли пропажу этих двоих быстро обнаружат. Подумают, что задержались где. Она за это время успеет спрятаться, залечь на дно. Да и у нее появится весомый аргумент при предполагаемой встрече с неприятелем.

«Даже два аргумента, — мысленно поправила себя девушка, бросая вожака взгляд на мечи. — Стоит рискнуть. Хуже все равно быть не может. Заодно и ребенка спасу».

Решив так, Эвелина осторожно шевельнулась, пытаясь размять онемевшие суставы. Идея оказалась плохой — валежник сразу же предательски хрустнул. Девушка замерла. Ей показалось, что треск ломаемого прутика громом прокатился по лесу.

Шари ничего не заметил, а вот Далион насторожился и резко обернулся, выискивая причину шума. Эвелина даже перестала дышать на время.

Ничего не обнаружив позади себя, мужчина вновь встал спиной к лесу, лениво поигрывая цепью. Несчастная жертва, уже не делая попыток встать, сидела на холодной земле и тихонечко выла. Жалость кольнула сердце девушки. Зря, видимо, она думала, что

найдет помощь и защиту у гончих. Пока они выглядели в ее глазах хуже приспешников императора. Те по крайней мере никого не мучили во имя собственного удовольствия.

Незнакомцы чего-то ждали. Шари беспокойно поводил головой из стороны в сторону, а Далион не сводил пристального взора с пленника. Эвелина тоже не торопилась, терпеливо выжидая подходящий момент для нападения.

— Сними ошейник, — наконец тихо приказал Далион. Его приятель тяжело вздохнул, словно эта мысль ему не понравилась, но послушно подошел к жертве. Резко дернул за цепь, поднимая этим голову ребенка выше. Тот громко захныкал и попытался вырваться. Шари тут же залепил ему сильную пощечину и брезгливо вытер руку об штанину. Грязные сальные волосы жертвы разметались по плечам, открывая измученное личико с огромными испуганными глазами. Только сейчас Эвелина поняла, что перед ней девушка. Очень молоденькая, изможденная от голода. Внутри заворочалось глухое раздражение, рискующее в любой момент перерасти в бешенство.

— Симпатичная, — равнодушно отметил Далион.

— Да уж, — развязно хохотнул приятель. — При других обстоятельствах позабавились бы.

Эвелина сейчас не видела лица Далиона, но она могла бы поклясться, что тот опять поморщился. Однако товарищу ничего не сказал.

Тем временем Шари ловким и привычным движением отсоединил дужки ошейника. Девочка тут же схватилась за горло, растирая красную уродливую полосу, которая шла через всю шею.

— Отойди, — скомандовал Далион. — Скоро уже.

— Да ладно тебе, — отмахнулся толстяк и схватил девчонку за подбородок, разворачивая ее лицо к неяркому отблеску костра. — Интересно все ж.

— Отойди, я сказал! — В голосе мужчины прозвенела сталь. Даже Эвелине на миг стало не по себе.

— Как скажешь, — недовольно протянул Шари, делая шаг назад.

«Сейчас, — подумала девушка. — Именно сейчас. Пока они слишком заняты своими забавами».

Спина Далиона темнела рядом — только руку протяни. И Эвелина ударила со всей силой, на которую была способна. Слепящая молния вылетела из ее пальцев, зазмеилась вокруг фигуры мужчины и отшвырнула того далеко в сторону. Шари замер, вытаращив глаза и смешно открыв рот. А девушка, с легкостью выбравшись из валежника, уже поспешно творила новое заклинание. Оно должно было оглушить толстяка. И можно считать — дело сделано. Забрать мечи, добить неприятелей.

Эвелина слегка споткнулась, когда дошла в своем плане до этого пункта. Она еще ни разу не убивала. Если не считать того пирата на Лазури и испорченного мальчишку из рода Младшего Бога. Но тогда шла речь о ее жизни или смерти.

Девушка взглянула еще раз на растерянную девочку, которая так и осталась стоять на коленях, с ужасом и молчаливой мольбой взирая на свою неожиданную спасительницу.

«Смогу, — мрачно поняла Эвелина. — Их убить — смогу».

И повелительно вытянула руку вперед, не дожидаясь, когда толстяк придет в себя.

Заклинание должно было смять Шари, кинуть его на землю, но почему-то лишь рассыпалось зелеными искрами, так и не коснувшись толстяка. Эвелина нахмурилась, пытаясь понять, что сделала не так, и вновь бросила вперед сгусток энергии. На этот раз он

взорвался, не пролетев и шага.

— Не так быстро, девочка, — раздался позади насмешливый голос. Девушка оглянулась, впрочем, уже зная, кого увидит.

Далион неторопливо шел к ней, растирая ушибленное плечо. За меч пока не держался, но на кончиках пальцев дрожали, переливаясь, сиреневые огоньки. Значит, заклинание готово и лишь ждет приказа хозяина.

Эвелина затравленно посмотрела на толстяка, прикидывая, успеет ли допрыгнуть до него. Подсечка, и он бы трепыхался в ее руках. А клинок, приставленный к горлу товарища, иногда убедительней любых слов.

— Один шаг, и я буду вынужден сделать тебе очень больно, — без труда раскусил намерение чужачки мужчина. Остановился и холодно посмотрел на приятеля. — Шари, пожалуйста, уберись подальше.

Толстяк хотел было запротестовать, но быстро сник под пристальным немигающим взглядом Далиона. И послушно отбежал к стене деревьев.

Эвелина усмехнулась, призывая ярость. Что ж, посмотрим, кто кого.

— Ты кто такая? — невежливо спросил мужчина, впрочем, пока не делая попытки напасть.

— А тебе не все равно? — вопросом на вопрос ответила девушка.

— Нахальная, — скривил уголки губ Далион. Внимательно осмотрел черную одежду девушки и удивленно поднял брови. — Неужто осведомитель не ошибся? Прямо из Рокнара к нам пожаловала? Поди, только-только Академию закончила?

— Не твое дело, — огрызнулась Эвелина.

— На ловца и зверь бежит, — хищно улыбнулся мужчина. — Хороша добыча.

— Зубки только не поломай, — предупредила девушка, пытаясь одновременно удержать в поле зрения и непосредственного противника, и Шари, молча слушавшего их перебранку. — Привыкли, наверное, с безответными дело иметь.

— Не беспокойся за мои зубы, не поломаю. Тебе до моих врагов еще расти и расти. — Мужчина сделал еще один шаг вперед. — Только не говори, что эту тварь спасти решила. Все равно не поверю. Имперцы никого и никогда не жалели.

Эвелина промолчала.

— Ну и что делать будем? — поинтересовался Далион, так и не дождавшись ответа. — Драться или сама сдашься?

— А ты как думаешь? — хмыкнула девушка и легонько щелкнула пальцами. Воздух около ее руки засветился от напряжения.

— Значит, драться, — резюмировал мужчина. — Жаль. Я не люблю делать больно красивым девушкам.

— Тогда отпусти меня, — предложила Эвелина. — Меня и эту несчастную. И мы уйдем, никому не причинив вреда.

Вместо ответа Далион расхохотался, почему-то при этом кинув осторожный взгляд за спину противницы.

— Несчастную, говоришь, — отсмеявшись, сказал он. — Что ж. Ты сама это предложила. Забирай. Только сначала постарайся остаться в живых. Учти, я помогать не стану. Хотя если очень попросишь...

Совсем рядом раздался приглушенный рык. Эвелина резко отпрянула в сторону и наконец-то посмотрела на пленницу. Та уже не стояла на коленях — каталась по земле с

глухим ворчанием свирепого зверя.

— Что с ней? — настороженно спросила девушка.

— Превращение, — весело пожал плечами мужчина. — Ах да, ты же из империи, таких подробностей не знаешь. Сейчас сама увидишь.

Девочка закричала — громко и отчаянно, расцарапывая свое лицо в кровь. Эвелина растерянно моргнула. Ей показалось... Нет, она совершенно отчетливо увидела, как ногти на пальцах у ребенка удлиняются, вырастая прямо на глазах совершенно немыслимым образом. Девочка изогнулась, вставая на четвереньки. И вдруг страшно завывала на луну, появившуюся в просвете туч.

— Это перекидыш, — словно поняв недоумение девушки, любезно объяснил Далион. — Молодой, правда, но крови человеческой успел сполна хлебнуть. Вот мы его и хотели... прикончить. Правила гончих велят, чтобы таких существ убивали только в зверином облике. С удовольствием уступаю тебе эту тяжкую повинность. Только учти — к магии они почти невосприимчивы, да и шкуру мечом ой как тяжело продырявить. Отпустишь — он вновь пойдет убивать в деревню. Развлекайся, словом. А я понаблюдаю. Или трусишь? На словах все имперцы смелые.

Эвелина больно закусила губу и сжала кулаки. Превращение почти завершилось. Можно было попытаться разделаться со зверем сейчас — когда в нем еще оставалось нечто человеческое, а значит, и уязвимое. Девушка небрежным движением бросила вперед шар из огня. Тот упруго отскочил от шкуры животного и потух, не причинив тому ни малейшего вреда.

— В момент превращения они неуязвимы, — с легким смешком поведал ей Далион. — Даже нам приходится ждать полной трансформации. У перекидышей есть только одно слабое место. Найдешь его — победишь. Нет... Сама понимаешь. Впрочем, ты всегда можешь признать свое поражение.

Эвелина с затаенной ненавистью глянула на гончую. Тот осекся, увидев красные всполохи в глазах незнакомки, но потом улыбнулся еще шире.

— Шари, брось ей меч, — скомандовал он другу, который поспешил укрыться от зверя за надежной спиной товарища. — Пусть все будет по-честному. Хоть один шанс ей, но дадим.

Толстяк что-то пробормотал недовольно, однако клинок девушке послушно кинул. Эвелина перехватила меч в воздухе и резко крутанула его вокруг запястья, примеряясь. Мужчина подался вперед, следя за движениями девушки.

Чужачка не спешила вступать в бой. Она кружилась вокруг зверя, судорожно пытаясь понять — как поступить. В свое время в Академии ей пришлось перечитать много книг, посвященных Запретным Островам. Но там ни слова не говорилось о животных, подобных этому. На первый взгляд слабых мест у жуткого создания просто не было. Здоровые клыки, крепкая шкура, которая, благодаря роговым пластинам, без проблем могла отразить как удар мечом, так и смертельное заклинание. Ослепить тварь? Но сначала надо подойти вплотную, а это смерти подобно.

Перекидыш мотнул головой и с громким шипением втянул в себя воздух. Затем неуловимым движением перетек на пару шагов ближе. Девушка отшатнулась, вблизи заглянув в глубоко посаженные, горящие бешеным зеленым светом глаза, в которых не осталось ничего человеческого. Далион, решив было, что противница трусила, усмехнулся и привычным движением вытащил меч из ножен. Но тут же удивленно хмыкнул, увидев, с

какой безумной отвагой девушка рванула вперед.

Эвелине было страшно. Ей казалось, что еще миг — и изогнутые когти твари вопьются ей в руки, а клыки сомкнутся на шее. Но девушке удалось благополучно проскользнуть мимо разинутой пасти перекидыша. Более того — она даже успела нанести удар в бок. Меч зазвенел, отскакивая от толстой, покрытой роговыми наростами шкуры. Эвелина охнула, едва не выпустив клинок из рук. Однако тут же ударила магией. Перекидыш взвыл, разъяренный. Одна из искр запуталась у него в шерсти, однако практически сразу потухла. Противно пахло паленым, но было понятно, что особого вреда животному заклинание не принесло. Девушка с трудом увернулась от удара когтистой лапы и вновь безрезультатно рубанула клинком.

Далион напряженно следил за ходом поединка. Если бы Эвелина могла его сейчас увидеть, то она бы весьма и весьма удивилась. Мужчина не выпускал из рук рукоять своего меча, то и дело порываясь сделать шаг вперед, словно намереваясь вмешаться. Перед ним в безумном и прекрасном танце кружилась чужачка, затянута в черную униформу Академии. Она то выскакивала вперед, жала неповоротливую тушу зверя острым клинком, то в последний момент уходила от нападения чудовища.

— Сдохнет, — резюмировал Шари, спокойно наблюдающий за поединком. — Куда ей с перекидышем тягаться? Тот хоть и молодой, да силища так и прет.

— Заткнись, — почти миролюбиво посоветовал Далион и тут же восторженно цокнул языком, когда девушка обрушила на зверя чудовищный сгусток энергии. — Хороша. Верно, на курсе одна из лучших была. Уже сейчас может претендовать на первую ступень.

— Чего? — не поняв, обернулся к нему толстяк. — Кстати, ты с чего решил, что она вообще из Академии?

— А откуда еще? — лениво поинтересовался мужчина, сжимая кулаки, когда клыки зверя клацнули в опасной близости от плеча девушки. — В Рокнаре все мало-мальски сильные маги Академию проходят. Политика государства. Невозможно представить, чтобы такой самородок в покое оставили. Явно или из рода какого-нибудь, либо в род принята благодаря умениям и старанию в учебе.

— Это не поможет ей остаться в живых, — несколько ревниво заявил Шари.

— А я могу поспорить, что она найдет способ убить зверя, — пожал плечами Далион и лукаво взглянул на друга. — Принимаешь ставку? Годовое жалованье, если девчонка справится своими силами.

Шари засомневался, но потом внимательно посмотрел на перекидыша, который, яростно рыча, набрасывался на чужачку вновь и вновь. Та явно устала — темные волосы на лбу слиплись от пота, дыхание тяжелое.

— По рукам, — наконец пробурчал Шари. — Только — чур, без мошенничества. Никакой помощи.

— Идет, — улыбнулся Далион и снова впился напряженным взглядом в поединок.

Эвелина понимала, что долго так продолжаться не может. Ее силы медленно подходили к концу, а у перекидыша пока даже царапины на шкуре не было. Пару раз девушка едва не пропустила удар и теперь осторожничала, пытаясь хоть немного отдышаться. В голове гулко билась лишь одна мысль — что делать, как спастись. Просить помощи у гончих — значит полностью расписаться в собственной беспомощности и унижить себя. Бежать — еще и покрыть свое имя позором. Нет уж. Драться. И драться до победного завершения. Вот только чем дольше длится этот поединок, тем меньше шансов у нее остаться в живых.

Эвелина машинально ушла от выпада чудовища. Устала, да, устала. Чем дальше — тем тяжелее кажется меч, тем сложнее сосредоточиться на звере. Единственный шанс — найти слабое место в перекидыше. И ударить в него, выложившись полностью. Неважно, что будет дальше, как потом уходить от погони. Главное — выжить сейчас. Иначе никакого «потом» просто-напросто не будет.

Словно в ответ на молчаливую мольбу девушки, ожил невидимый подсказчик. Зашептал, советуя что-то совсем безрассудное. Эвелина сначала отмахнулась от самоубийственной задумки. И тут же зашипела, едва не напоровшись на клык чудовища. Впрочем, почему не рискнуть? Хуже быть просто не может.

Далион изумленно распахнул глаза, когда чужачка вдруг замерла посреди боя. В ее руках рождался алый, пышущий жаром шар. Даже около мужчины воздух ощутимо нагрелся.

— Что она делает? — спросил Шари, с недоумением наблюдая за рукотворным солнцем в ладонях незнакомки.

— Это магия огня, — пояснил приятель. — Очень сильная, практически уже надстихийная.

Мужчина помолчал и добавил с невольным вздохом восхищения:

— Да, недооценил я девчонку. Это уже не первая ступень. Это практически уровень Высокой.

— Ничего не понял, — признался Шари, но разъяснений так и не дождался. Далион, затаив дыхание, подался вперед, наблюдая за девушкой.

Эвелина вдохнула в заклинание много силы. Так много, что перед глазами закружились черные мушки переутомления. Затем она размахнулась и, не целясь, метнула шар в перекидыша. Тот глухо заворчал, приняв удар грудью. Шар ярко вспыхнул и без следа исчез, будто впитавшись в шкуру. Целый миг ничего не происходило. Шари довольно усмехнулся, но Далион, закусив губу, внимательно следил за происходящим.

Зверь зарычал. Затем завертелся волчком, бездумно мотая головой. На его груди вспухало огромное пятно с рваными краями, которое, казалось, пульсировало жаром. Эвелина резко выдохнула, черпая силу из спасительной ненависти. И вновь скрестила руки, призывая на этот раз совсем другого Бога.

— Невероятно, — прошептал Далион, когда в ладонях чужачки запульсировала пронзительно яркая синяя искра. — Если бы не видел сам — не поверил бы.

— Да что происходит? — заволновался его приятель.

— Она использовала магию воды, — кратко бросил через плечо мужчина.

— Ну и что? — переспросил толстяк.

— Да то, что один человек может использовать стихийную магию только одного вида, — раздраженно отмахнулся Далион.

Искра угодила прямо в центр рваной раны на груди зверя. Тот сначала негромко рыкнул, но уже через миг взвыл от боли. Эвелина знала, что делала. В детстве она не раз видела, как лопаются от воды раскаленные камни. Вот и теперь по шкуре животного зазмеились глубокие трещины, из которых сочилась густая бурая жидкость.

Перекидыш рухнул на землю и принялся кататься по влажной траве, пытаясь остудить свое нутро. Громко заплакал. Почти как человек. И, вытянувшись, замер без движения.

Едва стоя на ногах от усталости, девушка медленно приблизилась. Затем взглянула в закатившиеся мертвые глаза зверя. И осторожно шагнула вперед.

— Что она делает? — заволновавшись, Шари дернул товарища, погрузившегося в

глубокие раздумья, за рукав. — Она что, не знает?..

— Не знает, — очнувшись, выдохнул Далион и рванул вперед с криком: — Назад!

Не успел. Эвелина растерянно оглянулась на возглас гончей, не видя, как гибкое, прекрасное в своей смертельной красоте тело перекидыша напряглось, готовясь к прыжку. И мир померк для девушки, когда огромная туша зверя погребла ее под собой.

Эвелина за свою жизнь слишком часто бывала в объятиях смерти. Девушка почти разучилась ее бояться, зная, что за порогом обители богов есть те, кто с нетерпением ожидает встречи с ней. Но она так и не привыкла к боли. Ласки Младшей Богини были мучительны, однако время милосердно стерло большинство воспоминаний о тех днях. Начальный этап обучения у императора больше не казался таким уж невыносимым, хотя Эвелина помнила, каково это — ползти в свою комнату, чувствуя на губах соленый привкус крови. И знать, что подобные издевательства будут длиться и длиться, пока она не сломается. Даже возвращение с берега мертвых после самоубийственного полета над океаном было неприятным, но вполне терпимым. Намного сильнее девушка тогда страдала, переживая предательство рода, нежели от реальных травм. Впрочем, не надо сейчас ворошить пепел прошлого. Он еще не остыл после ее слез.

Поэтому, очнувшись, Эвелина боялась не только пошевелиться, но и просто открыть глаза. Она с ужасом ожидала, что вот-вот ее тело затопят волны боли — безумной, нескончаемой. Девушка понимала, что потерпела поражение в схватке со зверем. Тогда произошло что-то непоправимое, но вот что именно — никак не удавалось вспомнить. Последнее, что она видела перед тем, как погрузилась в милосердное забытие, — оскаленную пасть перекидыша, сильный удар по плечу и что-то еще. Но что? И почему не было больно? Почему сейчас — не больно?

А еще Эвелина каким-то шестым чувством осознавала, что произошло нечто страшное. Намного страшнее нападения зверя. То, с чем ей придется жить всю жизнь. Если у нее осталась эта жизнь.

«Наверное, я все-таки умерла, — сонно подумала девушка. — Перекидыш загрыз меня. Странно. В прошлый раз обитель богов выглядела совсем иначе».

Мысль прервалась, так и не дойдя до логического завершения. Эвелина вновь заснула.

Когда она очнулась в следующий раз, то с удивлением обнаружила, что хочет пить. От жажды пересохло горло, губы, казалось, от сухости растрескались и покрылись кровавой корочкой.

Эвелина вдруг воочию представила себе эту картину — бурая спекшаяся жидкость стягивает ее лицо наподобие маски. Девушку затошнило. Она попыталась сделать хоть что-то, чтобы понять — жива она или нет. Но не смогла. Тело как будто не принадлежало ей. При всем своем желании Эвелина была не в силах шевельнуть и мизинцем. Хотелось кричать, стонать, плакать. Нет. Ни звука не вылетело из горла девушки.

«Я маг, — с отчаянием сказала себе Эвелина. — Я могу колдовать. Прямо сейчас использовать хоть какую-то магию. А не то я просто сойду с ума».

Никак не получалось сосредоточиться. Знакомые слова заклинаний распадались на набор бессмысленных букв. Девушка просто не помнила, что они означают. И тогда она заплакала. Беззвучно, бесслезно, без надежды на спасение.

Однако именно в этот момент помощь и пришла. Эвелина вдруг почувствовала легкое прикосновение к своему лбу чего-то влажного и холодного.

— Я рад, что ты очнулась, — тихо произнес знакомый голос. — Давай договоримся. Я сейчас верну тебе способность двигаться и видеть. А ты пообещаешь не творить глупостей. Хорошо?

Эвелина мысленно усмехнулась. Интересно, как именно ей показать, что она принимает эти условия?

— Я понял твой ответ, — неожиданно продолжил невидимый пока собеседник. Темнота, окружающая девушку, защелкала яркими бликами. И пропала. Эвелина зажмурилась от неожиданности. Дневной свет больно резанул по глазам, привыкшим к мраку.

Вместе со способностью видеть вернулась и способность ощущать. Девушка лежала с закрытыми глазами и пыталась понять, что происходит. Она была полностью обнаженной. Даже тряпку с запястья, так ловко скрывавшую знак ее позора, кто-то снял. Только бок туго перемотали. Эвелина от стыда и негодования покраснела. Спасибо, что хоть покрывалом прикрыли. Но стоило признать, чувствовала себя девушка весьма неплохо. Немного саднило под повязкой, но это единственное неприятное ощущение. Только чувство жажды выматывало, отвлекало на себя все внимание.

— Быть может, глаза откроешь? — нетерпеливо предложил Далион. То, что в изголовье кровати сидит именно он, девушка поняла с первых же слов, произнесенных в этой комнате. Эвелина с неохотой посмотрела на мужчину.

Тот выглядел на удивление уставшим. Под глазами залегли глубокие тени, темные волосы растрепаны, одежда измята, словно он спал прямо в ней. Взгляд девушки скользнул далее, обегая обстановку комнаты. Помещение, в котором находилась Эвелина, было очень небольшим. В него поместилась лишь кровать, стол у окна да стул, на котором сейчас сидел мужчина. Больше ничего. Девушка лишь хмыкнула при виде скромного убранства комнаты. Хорошо, хоть не сырая темница. Правда, и тут на окне красовалась тяжелая решетка.

— Все осмотрела? — несколько измученно поинтересовался Далион. — Тогда поговорим. Более серьезный разговор предстоит нам завтра, когда я хоть немного выплюсь. Сейчас лишь пара слов.

— Не боишься, что я за это время сбегу? — насмешливо перебила его Эвелина и сама подивилась хрипоте своего голоса.

— Нет, — хмыкнул мужчина.

Эвелина постаралась скрыть улыбку. Что ж, гончая, значит, завтра тебя будет ожидать пустая клетка. Девушка не собиралась тут задерживаться. Благо и не из таких мест сбегала.

— Твою глупость я благородно спишу на последствия схватки с перекидышем, — без труда прочитал мысли чужачки Далион. — Лучше скажи, ты много за последнее время колдовала?

— Приходилось, — уклончиво ответила девушка.

— Убийство криана ведь твоих рук дело? И в поселке еще болтали про спасение ребенка и знахарки при родах, — быстро перечислил подвиги Эвелины мужчина. — Ну что ж, поздравляю. Ты израсходовала все свои магические силы. И такой пустой будешь еще около месяца.

Эвелина поперхнулась, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям.

— Не может быть, — робко запротестовала она. — Я чувствую себя прекрасно.

— Такая большая девочка должна уже знать, что магические силы никак не связаны с физическими, — ехидно улыбнулся Далион. — И чему вас только в Академии учат. Каждый

маг обязан быть в курсе, что уровень колдовских сил ничем нельзя измерить. Или они есть, или их нет. Вот и сейчас их у тебя просто-напросто нет. Попробуй сбеги от меня. Только тогда будь готова, что следующий наш разговор пройдет в намного менее приятной для тебя обстановке.

Эвелина смолчала, усилием воли заставив себя безропотно проглотить слова гончей. Точнее — жесткий тон, которым они были сказаны.

— Вот и молодец, — правильно истолковал ее молчание собеседник. — Отдыхай. Тебе принесут еду и питье.

— И одежду, — тихо попросила девушка, вновь краснея от стыда.

— Само собой. — Далион великодушно сделал вид, будто не заметил стеснения чужачки. — Я думаю, представляться нам не надо. Ты слышала мое имя, я знаю твое, Эвелина. Так что считаю наш разговор законченным. До завтра.

Мужчина встал, небрежно отодвинув стул, и направился к двери. Когда он был уже на пороге, страшная догадка заставила девушку побледнеть от волнения.

— Постой, — окликнула она гончую. — Откуда?.. Откуда ты знаешь мое имя? Я не говорила его тебе.

— Ты не поняла, — покачал головой Далион, широко улыбаясь. — Я знаю все твои имена.

И вышел, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Эвелине всегда было интересно, каково это — жить без имени. Она часто видела безымянных рабов. В империи это было обычным делом — иметь у себя в услужении безропотных, на все согласных людей. Дядя часто говорил ей — безымянный уже не человек. Он не сумел сохранить единственного дара богов и просто не заслуживает жалости или снисхождения. С ним можно делать все, что угодно: бить, пытаться, посылать на самую грязную и тяжелую работу. Его можно даже заставить взять на себя грехи хозяина, отправив на суд небес. А уж убийство безымянного никогда не считалось преступлением. Все равно что раздавить надоедливое насекомое. Все это девушка прекрасно знала. Но она не могла понять — как можно отнять у человека имя. Ведь оно же не материально. Это не вещь, которую так легко продать, потерять или украсть. Похоже, теперь ей предстояло узнать все ответы на свои вопросы.

Странное дело, но Эвелина была уверена — Далион еще не забрал ее истинного имени. Хотелось бы только знать — долго ли продлится такая неосмотрительность.

Эти мысли терзали несчастную девушку все время, пока тучная и молчаливая служанка приводила ее в порядок. Чужачке предоставили вдосталь горячей воды и чистую одежду — темные плотные брюки и белую просторную рубаху с длинными рукавами, которые немного прикрыли знак императора на запястье. Эвелина стеснялась своей отметины. Она видела, с каким молчаливым презрением и осуждением взглянула на нее служанка, когда разглядела ненавистный знак Рокнара на руке у своей подопечной. Девушка бы с радостью вновь замотала руку в тряпку, но не обнажать ведь рану на боку из-за этого... А больше ничего, кроме этой повязки, в пределах досягаемости не было.

Эвелину сытно накормили и оставили на ночь целый графин воды. Пожалуй, это была единственная вещь, которая действительно обрадовала девушку за сегодняшний день. Странная жажда никак не проходила. Вода лишь на время утоляла желание пить, но потом горло вновь пересыхало.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Эвелина служанку, которая собралась уходить.

Та лишь буркнула что-то малоразборчивое и ушла. К удивлению девушки, ее не стали запирают. Впрочем, куда бежать, если в любой момент у нее могут отнять последнее, что отличает свободного человека от раба.

Эвелина металась по комнате, не зная, что предпринять. Еще никогда она не оказывалась в настолько безвыходном положении. Даже перед Советом Высочайших у нее был выбор — жить или умереть. А сейчас? У Далиона хватит сил вытащить ее с другого света, в этом она не сомневалась. Мужчина был весьма сильным магом, пожалуй, уровня Высокого. Куда уж ей — бывшей ученице — тягаться с ним. Тем более теперь, когда не осталось ни капли силы.

Медленно тянулось время. За окном уже давно отпыхал закат, а девушка все никак не могла успокоиться. За бессонную ночь Эвелина так и не решила, как ей следует поступить. Поэтому она почти обрадовалась, когда на рассвете в дверь ее комнаты постучали. Только Далион мог объяснить ей, чего ждать в дальнейшем, к чему готовиться и чего опасаться.

— Войдите! — крикнула девушка, с волнением одергивая рубаху.

На пороге появилась вчерашняя служанка. Смерила чужачку тяжелым неодобрительным взглядом.

— Иди за мной, — сказала она. — Хозяин ждет. Наконец-то проснулся. Ему сильно досталось из-за тебя. Несколько суток не спал.

— Вот как? — удивилась Эвелина. — Почему?

— Совсем глупая, что ли? — презрительно процедила сквозь зубы женщина. — Тебя ж перекидыш подрал — живого места не было. Кишки из брюха вываливались. А сейчас жива-здоровая. На коленях благодарить должна.

— Я не просила меня спасать, — тихо буркнула девушка себе под нос. Но послушно отправилась за служанкой.

Они долго петляли по пустынным коридорам, пока наконец служанка не пропустила ее в огромную комнату, все стены которой были уставлены шкапами с книгами. В самом дальнем углу стоял письменный стол, перед которым в глубоком кресле, лицом к девушке, сидел Далион.

— Спасибо, Дайра, — поблагодарил тот служанку и отпустил женщину небрежным взмахом руки. Она сразу же выскользнула из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Мужчина откинулся на спинку кресла, сложив за головой руки, и внимательно посмотрел на Эвелину. Девушка тут же смутилась от столь пристального внимания. Она стояла практически в центре помещения, не зная, что делать дальше. Сесть ей никто не предлагал, да и некуда было.

— Хорошо отдохнула? — прервал длинную паузу мужчина.

— Спасибо, неплохо, — настороженно отозвалась Эвелина.

— Что-то по тебе не заметно, — спокойно отметил Далион.

— Зато ты, по всей видимости, выспался, — не удержалась от ехидства девушка. Далион сегодня выглядел не в пример лучше. Умытый, тщательно причесанный, в свежей просторной одежде.

— Да, — не стал отрицать очевидного маг. — Знаешь ли, очень выматывающее занятие — вытаскивать кого-то из обители богов.

— Представь себе, знаю, — с сарказмом произнесла девушка и с неохотой поблагодарила: — Спасибо.

— Да не за что, — пожал плечами мужчина. Затем встал и неторопливо подошел к

Эвелине. Невысокая девушка оказалась значительно ниже его, поэтому чужачке пришлось поднять голову, чтобы взглянуть магу в глаза. Только сейчас она разглядела, что цвет глаз мужчины на самом деле был не карим, а темно-синим, почти фиолетовым, как предгрозовое небо. Девушка поежилась от холодного оценивающего взгляда, которым ее рассматривал хозяин дома.

— Ну и что мне с тобой дальше делать? — негромко поинтересовался мужчина. — Может быть, посоветуешь?

— Отпусти меня, — робко попросила Эвелина. — И я уйду. Обещаю, от меня окружающим проблем не будет. Я никому не причиню вреда.

— И куда ты намерена идти? — Мужчина говорил таким ровным голосом, что на миг девушка поверила — еще чуть-чуть, и она будет свободна.

— Не знаю, — пожала плечами Эвелина. — Найду какое-нибудь маленькое село, стану помогать людям. Знахарка нигде не будет лишней.

Далион хмыкнул и наконец-то отступил, освобождая девушку из плена своего жуткого немигающего взора. Чужачка не смогла сдержать облегченного вздоха. Рядом с мужчиной Эвелина чувствовала себя на редкость неуверенно. Будто вновь вернулась в те времена, когда была ученицей императора и стояла перед своим строгим учителем.

— Возможно, я бы отпустил тебя, — произнес Далион, вновь усаживаясь в кресло. — Проблема лишь в том, что пока я не вижу никакой выгоды для себя. Или у тебя есть что предложить взамен? Ты должна понимать, что я потратил много сил и энергии, спасая тебя. Предложи тогда то, чем ты готова оплатить мои старания.

Эвелина печально улыбнулась. Она поняла, к чему клонит гончая. Действительно, в империи за все надо платить. Практически нет такой вещи, которую нельзя купить или продать в Рокнаре. Но у нее не было ничего. Совершенно. Не телом же расплачиваться — уж лучше сразу умереть.

— Есть и еще одна проблема, — так и не дождавшись ответа, продолжил Далион. — Тебя укусил перекидыш. Ты, верно, не знала, что эти твари только в момент смерти принимают человеческий облик, вот и подошла слишком близко. А еще ты не знала, что покусанный сам превратится в зверя. В следующее полнолуние. Если выживет, конечно. Ты — выжила. А вот мне что делать с тобой? Отпустить тебя и каждый месяц получать известия о гибели людей от лап перекидыша? Молодого, сильного и чрезвычайно голодного.

— Не может быть, — прошептала ошарашенная девушка и повторила уже громче: — Это неправда, я не верю!

— Твое право, — пожал плечами мужчина. — Скажи, разве тебя не мучает сильная жажда с момента пробуждения? И вода не помогает избавиться от нее. А ведь с каждым днем твое желание пить будет становиться все сильнее. Оно станет непереносимым в момент полнолуния. И ты пойдешь убивать.

Эвелина молчала. Она чувствовала, что гончая ее не обманывает. И не знала, что сказать в ответ. Далион терпеливо ждал.

— Зачем... — наконец хрипло начала она. Откашлялась и продолжила более твердо: — Зачем тогда надо было спасать меня? Чтобы через месяц убить?

— Нет, — хищно улыбнулся Далион и резко подался вперед. — Есть один способ помочь тебе. По-настоящему сильный маг может удержать зверя внутри человека. Только делать это придется каждое полнолуние. Самым тяжелым будет первый цикл. Потом, через некоторое время, зверь ослабнет без крови, и покусанный сам сможет держать его на поводке.

— Ты хочешь сказать, что мне и тут не обойтись без тебя? — невежливо перебила его Эвелина.

— Да, — просто ответил Далион. — Поэтому я и спрашиваю — чем платить собираешься. Ты ведь состоишь в каком-нибудь роде? Он готов отдать за тебя выкуп?

— У меня ничего нет, — понурившись, тихо признала девушка. — Род предал меня. Если я вернусь в империю — меня ждет участь намного худшая, чем смерть. Поэтому убей меня, и закончим этот разговор.

— Ну зачем же? — лукаво протянул мужчина. Затем встал. Эвелина едва не попятилась, когда он вновь подошел к ней, но нашла в себе силы не сделать шага назад.

— Я думаю, в империи мне хорошо заплатят, если я верну им беглянку. — Далион с легкой улыбкой взял девушку за руку и мягко оголил запястье с меткой. — Такие знаки не ставят случайным людям. Полагаю, щедрость и признательность Дэмиена не будет иметь границ.

Палец гончей нежно пробежал по замысловатым переплетениям шрама, а Эвелина обреченно закрыла глаза. Это был крах всем ее надеждам и мечтам.

— Впрочем... — Мужчина с интересом наблюдал за замешательством чужачки. — У меня есть еще одна идея...

Девушка с робкой надеждой посмотрела на своего мучителя, который не торопился продолжать. Когда он наконец заговорил, его голос звучал на удивление холодно и твердо.

— Знаешь ли, я не люблю отнимать у людей имена. Это кажется мне негуманным. Отпускать или убивать тебя — по крайней мере, глупо. Вернуть императору всегда успею. Ты неплохой маг и можешь мне пригодиться в дальнейшем. Поэтому я сделаю тебя своей тенью. Ты будешь всегда рядом со мной, станешь повиноваться беспрекословно. Любой бунт, малейшее неподчинение с твоей стороны приведет к расторжению этого соглашения и возвращению тебя в Рокнар, к вящей радости императора. А я со своей стороны сделаю все, чтобы зверь в тебе никогда не пробудился. Обеспечу тебя едой, оружием и одеждой. Буду заботиться о тебе так, как посчитаю нужным.

— Я стану рабыней? — глухо спросила девушка.

— Нет, — покачал головой мужчина. — Ты станешь отражением моих мыслей, моими ушами и голосом. Моим разящим мечом, если понадобится.

— Навсегда? — Эвелина затаила дыхание, дожидаясь ответа.

— Я не люблю слова «навсегда», — поморщился Далион. — Оно слишком... трагичное, что ли. На время, удобное мне. Если меня удовлетворит твоя служба — я могу и отпустить тебя. Любой долг рано или поздно погашается. Твоей платой будет повиновение мне.

— Я могу подумать? — поинтересовалась девушка.

— Конечно, — пожал плечами Далион. — У тебя есть сутки. Завтра утром я потребую ответа. Гуляй, отдыхай — мой дом полностью в твоём распоряжении.

Эвелина кивнула и вышла, растирая по дороге шрам, который снова налился огнем после прикосновения гончей. Далион с легкой усмешкой проводил девушку взглядом и вернулся в кресло. Тихонько скрипнула потайная дверь, и один из шкафов бесшумно отошел в сторону, пропуская в комнату молодую светловолосую женщину в ярко-алом платье.

— Почему ты не отнял у нее имя? — с едва заметным оттенком недовольствия спросила она, подходя ближе и по-хозяйски положив руку на плечо гончей.

— Ты думаешь, надо было? — рассеянно поинтересовался мужчина, ласково целуя ладонь своей собеседницы.

— Конечно, — удивленно фыркнула женщина. — Она же из империи. Сама небось сотни раз проделывала это. Пусть на своей шкуре бы ощутила — хорошо ли жить без благословения бога.

— Какая ты кровожадная, Ирра, — рассмеялся Далион. — И потом, какое из двух ее имен мне следовало отнять?

— Как какое? — еще сильнее изумилась его собеседница. — Истинное, не мирское же.

— В том-то и дело, что у девчонки два истинных имени, — усмехнулся мужчина. — Да-да, Ирра, ты не ослышалась. Я и сам не поверил бы, если бы не видел собственными глазами.

— Это невозможно, — побледнела женщина от волнения. — Никто и никогда не может получить благословения сразу двух богов.

— Меня тоже весьма это интересует, — признался Далион и задумчиво посмотрел на дверь, за которой скрылась девушка. — Даже больше того вопроса, отчего она носит на запястье клеймо правителя Рокнара. Хотелось бы знать, известно ли самой Эвелине о втором своем имени?

— Ты можешь заставить ее рассказать, — предложила Ирра, пожимая плечами. — Пусть поделится, каково это — быть личной шлюхой императора. Заодно и про имена спросишь.

— Нет, — покачал головой мужчина. — Я не хочу торопить события. Придет время, и она сама мне все расскажет.

— Если только чужачка не сбежит раньше, — не унималась женщина.

— Пусть попробует, — равнодушно отозвался Далион. — И тогда она узнает, насколько может быть страшной в гневе старшая гончая.

— А ты не собираешься рассказать о ней на сборе? — поинтересовалась женщина, небрежно взъерошивая темные волосы мужчины.

— Не вижу причин, — хмыкнул ее собеседник. — Я не хочу тратить время и силы, защищая ее перед этой пустой говорильней. Ты же знаешь, как относятся к имперцам гончие. Еще приговорят сгоряча к казни. А я намереваюсь без суеты и спешки разобраться в тех вопросах, которые возникли с ее появлением.

— Тебе будет нелегко объяснить то, что ты взял какую-то неизвестную девчонку на роль своей тени, — возразила Ирра. — Многие из младших гончих полжизни бы отдали за такую честь. Да и Шари вряд ли будет молчать. Он болтун тот еще.

— Это мои проблемы, — несколько грубо прервал собеседницу мужчина и тут же постарался смягчить свой тон улыбкой. — Дорогая, не переживай из-за таких пустяков. Я все улажу сам.

И Далион мягко привлек женщину к себе.

Эвелина вышла из комнаты как в тумане. Она ничего не видела перед собой от слез, застилающих глаза.

«Попала, — стучала в голове навязчивая мысль. — Сбежала из одного рабства, чтобы сразу же угодить в намного худшее».

Девушка брела, не разбирая дороги. Вроде бы ей пришлось несколько раз спускаться по лестнице. Один раз она чуть не упала, запнувшись о ступеньку. Стены дома, казалось, давили на нее, пригибали голову к земле. Поэтому Эвелина обрадовалась, когда вдруг оказалась снаружи дома.

Во дворе было прохладно. Наконец-то повеяло дыханием осени. Серые низкие небеса сочились безрадостной унылой моросью. Девушка запрокинула голову, подставляя лицо

мелким каплям дождя. Ей хотелось даже не плакать — громко выть от отчаяния. Снова темница, снова неволя. И никуда не деться. Лишь преданно служить, будто собака, вымаливая прощение.

Жидкая грязь захлюпала под ногами, когда Эвелина медленно пошла вперед. Легкая обувь, не предназначенная для улицы, сразу же промокла и отяжелела. Впрочем, девушка не обратила на это ни малейшего внимания. Только шагала и шагала по дороге, словно надеясь, что за ближайшим поворотом ее ждет спасение.

Эвелина очнулась, лишь когда дом Далиона скрылся из виду. Сначала она испугалась, что вот-вот ее призовут к ответу, строго окликнут, дернув за невидимый поводок. Но проходили минуты, и никто не пускался за ней в погоню. Тогда чужачка немного успокоилась. Далион дал ей время на размышление. Логично предположить, что он просто будет ждать ее возвращения на следующее утро. И предпринимать какие-либо действия, лишь не обнаружив через сутки свою новую тень рядом.

Эвелина села на поваленное дерево чуть в стороне от дороги. В голове было пусто и гулко — ни одной мысли. Да и о чем тут думать, если все сказано. Или добровольно отказаться от свободы, или вернуться к Дэмиену.

«Интересно, а как бы император отреагировал на мое возвращение?» — вдруг спросила себя девушка. И тут же ужаснулась простой мысли. Нет, нельзя об этом думать, нельзя даже представлять. Слишком мало времени прошло с момента их расставания, слишком живы еще в памяти ее запретные думы. Ведь даже страшно представить, насколько близко она была к падению. Только шаг оставался до полного поражения, столь притягательного и постыдного одновременно.

«Я стану тенью, — неожиданно мрачно подумала Эвелина. — Я ведь это поняла сразу же. Зачем скрывать от себя очевидные вещи? К Дэмиену я просто не смогу вернуться. Это будет хуже, чем смерть. А безымянной стать всегда успею. Пусть будет так».

После этого решения боль в груди немного утихла. Девушка спокойно сидела на мокром дереве и наблюдала, как по лужам разбегаются круги. Волосы, убранные в косу, растрепались, одежда прилипла к телу и неприятно холодила. Эвелине было все равно. Ей казалось, что она может сидеть так вечно — наблюдая за серым ненастьем. Лишь бы ее оставили в покое.

Бок, потревоженный долгой ходьбой, неприятно заныл. Эвелина задрала рубашку, поеживаясь от свежего ветерка, и зачарованно уставилась на кровавые разводы, проступившие на повязке. Вроде бы обычное дело — рана легко могла открыться после прогулки, — но девушка внезапно ощутила новый всплеск жажды, о которой почти забыла за время разговора с Далионом. Хотелось сорвать тряпки, обнажая бок, и слизывать, слизывать с кожи багровые сгустки запекшейся крови.

Эвелину согнул пополам сухой рвотный позыв, когда она воочию представила эту картину.

«Далион был прав, — печально подумала она. — Зверь живет во мне».

За этот день девушка больше ни разу не рискнула посмотреть на свою рубаху, по светлой ткани которой медленно расползалось красное пятно.

Вечерело. Влажный сумрак обнимал худенькую фигурку девушки, которую била крупная дрожь. Эвелина замерзла настолько, что почти не чувствовала ног и рук. Давно пора было вернуться, но чужачка всячески оттягивала этот момент, наслаждаясь последними мгновениями призрачной свободы. Завтра она уже станет тенью.

Эвелина неторопливо отправилась обратно только тогда, когда дорога полностью утонула во мраке. Она шла напрямик, не обходя луж и не жалея уже полностью испорченных ботинок. Весь дом спал — ни одного окна не светилось в этот поздний час. Лишь в холле девушку поджидала заспанная служанка, которая укоризненно всплеснула руками при виде плачевного вида своей подопечной — промокшей насквозь, в рубахе, напивавшейся кровью. Но, заглянув в темные глаза чужачки, в которых тлела искорка безумия, Дайра не осмелилась ругаться. Просто отвела ее в комнату, где девушку дожидался остывший ужин. Там служанка ловко и бережно растерла Эвелину сухими полотенцами, пока кожа не покраснелась, и аккуратно сменила повязку. Все это время девушка стояла, уставившись в противоположный угол и боясь лишний раз посмотреть на рану. Иначе — она знала точно — ее бы вновь затопило жгучее желание пить.

Этой ночью Эвелине вновь не удалось нормально отдохнуть. Она то проваливалась в черную бездну забытья, то вновь просыпалась и долго прислушивалась к тишине замершего до утра дома. На рассвете, когда в дверь нетерпеливо забарабанили, Эвелина уже была на ногах. Она молча вышла из комнаты и отправилась знакомой дорогой в кабинет гончей, не поздоровавшись с опешившей служанкой.

Мужчина ждал ее. Далион сидел на том же месте, словно они не расставались на сутки, и выжидательно смотрел на чужачку. Имперка тоже не спешила начать разговор, словно пытаясь отсрочить еще хоть на миг свое окончательное поражение.

— Я пришла, — наконец хрипло произнесла она. — И это мой ответ.

— Я рад, что вчера ты не стала делать глупостей, — отозвался Далион. — Хотя был момент, когда мне показалось, что ты решила сбежать.

Эвелина промолчала. Лишь крепче сжала кулаки.

— Ну что же, тень моя, — насмешливо начал мужчина. — Твое место теперь — на шаг позади меня. Твоя жизнь и судьба — в моих руках. И подчиняться ты будешь только моим приказаниям. Тебе понятно?

Эвелина глубоко вздохнула и твердым голосом отозвалась, лишь в конце немного запнувшись:

— Да, хозяин.

Часть вторая

Тень гончей

Эвелина привыкала жить по-новому. Далион пока не слишком беспокоил девушку своими приказаниями, словно давая возможность привыкнуть к роли покорной тени. Но ее место отныне было рядом с ним — за правым плечом гончей. Теперь у девушки не оставалось свободного времени. Лишь ночью, когда ей позволялось удалиться в свою комнату, Эвелина получала хоть маленькую, но передышку. Нет, Далион не был жесток или чрезмерно строг к девушке. Иногда даже казалось, что он просто не замечает ее. Но чужачку не покидало чувство, будто мужчина лишь присматривается к ней, наблюдает за ее поведением, с тем чтобы в дальнейшем знать, чего ожидать от своей новой тени.

Беспокоил Эвелину и никак не заживающий бок. Рана иногда затягивалась, но потом вновь начинала кровоточить, причиняя скорее моральные, чем физические страдания. Каждый день приходилось бороться с собой, с дикой жаждой, которая многократно усиливалась при виде крови. И вода мало помогала. Девушка не знала — видит ли мужчина ее страдания. А если видит — то почему не излечит полностью? Это ведь так просто для столь сильного мага. Но Далион лишь равнодушно усмехался, когда замечал, как бледнеет чужачка при перевязках, старательно избегая смотреть на свою рану.

Время проходило в полном бездействии. Эвелина уже выучила распорядок дня своего хозяина. Подъем на рассвете, потом скромный завтрак и долгое сидение в библиотеке. Девушка не решалась испросить разрешения на изучение книг. Лишь с жадным блеском в глазах рассматривала корешки тех книг, что читал ее хозяин. За обедом к ним чаще всего присоединялась светловолосая женщина с презрительно холодными синими глазами. Эвелина знала ее имя, поскольку была вынуждена присутствовать рядом с хозяином почти постоянно. Но Ирра за все это время ни разу не заговорила с ней, словно не замечая в упор.

После обеда Далион отправлялся на конную прогулку. Это было самое приятное времяпрепровождение для девушки. Имперка с удовольствием вдыхала чистый свежий воздух осени, который, казалось, хрустел на зубах. Они возвращались домой, лишь когда запад начинал багроветь. И вновь чтение, вновь встреча с Иррой. Вечером Далион милостиво разрешал Эвелине удалиться к себе. И так — изо дня в день. И если сначала в таком режиме дня чужачку все устраивало, то через неделю она уже готова была выть от скуки.

Радовало лишь то, что Далион выполнил свое обещание и вручил девушке меч — простой клинок в стареньких, потертых ножнах. Вечером в своей комнате Эвелина долго тренировалась. Если, конечно, можно назвать тренировкой пару выпадов в тесном помещении.

За первую неделю своего вынужденного рабства девушка ни разу не заговорила с гончей. Пока наконец не набралась смелости на маленькую просьбу, чувствуя, что еще день — и она просто сойдет с ума от бесконечного ежедневного ритуала ничегонеделания.

— Могу ли я получить разрешение у своего хозяина? — хрипло поинтересовалась Эвелина. Далион едва успел сесть в свое кресло и придвинуть к себе очередную книгу.

— Попробуй, — удивленно поднял брови мужчина и с интересом посмотрел на девушку.

— Я бы хотела иметь возможность хоть иногда тренироваться во дворе, — глухо попросила она.

— С мечом? — уточнил Далион и, не дожидаясь ответа, поинтересовался: — Бок не беспокоит?

— Нет, — солгала Эвелина и тут же поправилась, увидев, каким недобрым блеском сверкнули глаза ее хозяина. — Не настолько, чтобы обращать на это внимание.

— Хорошо. Только под моим наблюдением. Знаешь ли, раны от когтей перекидыша долго не заживают. Можно сказать, до самого превращения. Так что я хочу быть уверен, что ты не умрешь от потери крови, — пожал плечами мужчина, вновь пододвигая книгу к себе. — Еще что-нибудь?

— Да, — осмелев, кивнула чужачка. — Могу ли я тоже читать вместе с вами? Пожалуйста.

На этот раз Далион молчал намного дольше, словно прикидывая в уме — не наказать ли свою тень за такую наглость.

— А ты поймешь трактаты, написанные Древними? — наконец с легкой усмешкой переспросил он. — У меня в библиотеке нет трудов на всеобщем языке. Насколько я помню, в Академии искусству понимать забытые наречия не учат.

— В детстве я именно по таким книгам постигала азы магии, — смущенно пояснила девушка. — У моей наставницы практически не было рукописей современности.

— Ну ладно, — хмыкнул мужчина. — Прощу. Весь мой кабинет в твоём распоряжении.

— Спасибо, — почтительно наклонила голову чужачка. И тут же обернулась, пристально изучая корешки старинных фолиантов.

Время до обеда пролетело незаметно. Девушка полностью погрузилась в изучение трактата о целебных травах, даже не замечая, как за ней внимательно наблюдает гончая. Далион ни разу не перевернул страницу своей книги, следя за тем, как чужачка беззвучно шевелит губами, мысленно проговаривая слова заклинаний.

Эвелина вздохнула с сожалением, когда пришла пора спускаться к трапезе. Она торопливо проглотила свою скромную порцию и замерла, блестящими от радости глазами смотря на то, как обедает ее хозяин. Все ее мысли сейчас были о том, чтобы побыстрее вернуться в библиотеку. Наконец-то в ее жизни наступила более-менее благоприятная полоса.

Далион, будто не замечая нетерпения своей тени, неторопливо наслаждался обедом, изредка переговариваясь с Иррой. Та вновь была в излюбленном алом наряде, который выгодно подчеркивал белизну ее кожи.

— Дорогой, надеюсь, ты сегодня освободишься пораньше? — жеманно протянула женщина.

— Я постараюсь, — улыбнулся мужчина. — Ты уже готова? Завтра к нам прибывают младшие гончие.

— Опять суматоха начнется, — недовольно пробурчала Ирра и кинула осторожный взгляд на Эвелину. — Кстати, ты уже придумал, как представить им свою новую тень?

— Да, — серьезно ответил Далион и задумчиво посмотрел на девушку, которая тут же отвела взгляд, делая вид, будто не слышит разговора, посвященного ей. — Только надо что-то придумать с ее меткой. Незачем всем показывать знак императора.

Эвелина вздохнула и попыталась незаметно натянуть рукав рубахи на запястье.

— Любое клеймо сводится огнем, — пожала плечами Ирра. — Сожги это место — и дело с концом. Конечно, немного помучается, зато ей будет легче выдавать себя за невинную девицу. Всем же известно, каким местом женщины в империи заслуживают подобную честь.

У девушки все потемнело перед глазами от жестоких слов Ирры. Она чуть слышно застонала, вспомнив, как именно получила этот знак. Шрам сразу же налился огнем, запылал болью — совсем как в ту злополучную ночь.

— Довольно, — мягко произнес мужчина, заметив, как побледнела его подопечная. — Твои слова слишком несправедливы, дорогая. Мы ведь не знаем ее прошлого, чтобы утверждать такие вещи.

— Так спроси, — хмыкнула женщина, откидываясь на спинку стула. — Девчонка не посмеет солгать тебе. Просто поинтересуйся, спала ли она с императором.

Эвелина опустила голову и закрыла глаза, с ужасом ожидая неминуемого вопроса. Она услышала, как Далион встал и подошел к ней. От тяжелого взгляда заболела голова. Девушка не смела посмотреть на своего хозяина, боясь постыдно расплакаться у всех на виду. Слишком неожиданными были обвинения Ирры. Неожданными и справедливыми.

— Ты хотела потренироваться? — вдруг спросил мужчина. — Думаю, сейчас самое время.

Девушка с молчаливой благодарностью посмотрела на него и едва заметно кивнула.

— Пойдем, — приказал Далион и улыбнулся Ирре. — Дорогая, прости. У меня почему-то пропал аппетит.

Эвелина вышла из комнаты вслед за своим хозяином, уже не слыша, как женщина злобно прошипела что-то неразборчивое ей в спину.

Во дворе мужчина отошел в сторону и с легким любопытством в глазах принялся наблюдать, как разминается девушка. Сначала она смущалась от столь пристального внимания, но уже после пары приемов забыла про присутствие хозяина. Душа пела, вновь вспомнив былые забавы. Тело повиновалось беспрекословно, и девушка затанцевала на влажной земле.

— Ты обиделась на Ирру? — Внезапный вопрос заставил ее сбиться с ритма. Эвелина едва не споткнулась, но взяла себя в руки и нашла в себе силы спокойно взглянуть на гончую.

— Наверное, нет, — задумчиво протянула она. — Просто... Я была не совсем готова к этому.

— У нее есть много причин для ненависти к Рокнару, — словно оправдываясь, произнес Далион.

— У меня тоже, — слабо улыбнулась девушка, резко взмахивая мечом.

— У тебя неплохая техника, — внезапно переменял тему разговора Далион. — Кто тебя учил?

Девушка больно закусил губу, но все же ответила:

— Император. Я была его личной ученицей.

— Понятно, — без удивления или осуждения в голосе протянул мужчина и с легким шорохом извлек свой клинок из ножен. — Давай посмотрим, насколько хорошим учителем был Дэмиен.

Эвелина почтительно наклонила голову, но возражать не стала. Несколько минут они кружили по двору, словно примериваясь друг к другу. Затем Далион неумовимым движением скользнул вперед. Мечи зазвенели от первого удара.

Девушка сначала излишне осторожничала. Она не знала — можно ли ей сражаться в полную силу против своего хозяина, не чревато ли это последствиями для нее. Поэтому Эвелина не рисковала нападать, уйдя в глухую защиту. Пока наконец раздосадованный ее поведением мужчина не выбил меч из рук девушки. Клинок отлетел далеко в сторону, а

Эвелина замерла, чувствуя холодную сталь у своей шеи.

— Бейся по-настоящему, — приказал Далион. — За меня не беспокойся. Как-нибудь увернусь.

Эвелина улыбнулась и подняла меч. Ну что же, гончая, посмотрим, насколько хорошо ты обращаешься с оружием.

Мужчина хищно оскалился в ответ. И пошел вперед. Через несколько минут девушка уже не была так уверена в своей победе. Далион хорошо сражался. Даже слишком хорошо для нее. Эвелина ловко ушла в сторону от очередного удара и быстрым движением вытерла пот со лба. За недолгое время боя мужчина успел неплохо ее погонять. И — Эвелина была в этом почти уверена — он еще и не начинал биться в полную силу.

Воспользовавшись секундной передышкой в схватке, девушка поморщилась и локтем потерла растревоженный бок. На рукаве рубашки сразу же проступили красные разводы.

— Закончим на сегодня, — заметив это, сразу же опустил меч Далион. — Пусть Дайра сменит тебе повязку.

— Я в порядке, — запротестовала было Эвелина, однако тут же замолчала, поймав ледяной взгляд мужчины.

— То-то же, — удовлетворенно сказал маг. — Мои приказания не обсуждаются, а выполняются. Причем сразу же. Иди. Встретимся в моем кабинете.

Девушка поклонилась и поспешила к себе в комнату. На этот раз ей было намного сложнее вытерпеть простую перевязку. Будто недавняя схватка разбудила в ней дремлющего зверя. Мысли вновь и вновь возвращались к ране. Интересно, что будет, если она все-таки лизнет свою кровь? Утихнет ли жажда? И потом, кому она навредит этим поступком? Ведь не убивать же она собирается во имя нескольких капель солоноватой жидкости с железным привкусом.

Эвелина почти решилась на это. Она воровато огляделась по сторонам и мазнула пальцами по багровому следу на боку. Дайра ничего не заметила — она как раз отвернулась. Через несколько минут перевязка была завершена, и служанка удалилась, унося с собой окровавленные тряпки. А девушка села на кровать, зачарованно глядя на темно-красные капли у себя на ладони. Рот наполнился тягучей вязкой слюной, словно в предвкушении. Кружилась голова от столь близкого, столь желанного пиршества. Эвелина медленно подняла руку ко рту и тут же застонала, схватившись за голову.

Сильная боль пронзила ее виски. В глазах все потемнело от неожиданности. Девушка рухнула на кровать и зубами закусил уголок подушки, пытаясь переждать мучительный приступ. Однако боль быстро схлынула, оставив после себя лишь слабость и звон в глазах. Эвелина с отвращением посмотрела на свои руки и принялась оттирать ладони от бурых разводов. Даже жажда прошла.

Далион терпеливо дожидался ее в своем кабинете. Когда перед Эвелиной, скрипнув, открылась дверь, он выжидательно посмотрел на девушку.

— Это были вы? — глухо спросила она.

— Да, — кивнул мужчина. — Просто не дал сделать тебе очень большую глупость.

— Что было бы, если я... Если я попробовала бы кровь на вкус? — слегка запинаясь, поинтересовалась Эвелина.

— Ничего хорошего, — спокойно ответил Далион. — Зверь внутри тебя получил бы пищу и силу. И с ним было бы намного тяжелее справиться во время превращения. Пойми, каждая такая слабость ведет к усилению перекидыша и ослаблению тебя. Мне жаль, что

пришлось одернуть тебя так жестоко, но другого пути не было.

— Вы могли бы рассказать мне все заранее, — упрямо возразила девушка.

— Неужели это и так не понятно? — удивленно поднял брови мужчина. — Люди обычно не пьют кровь. Тебе необходимо научиться отличать свои желания от желаний зверя. Только так можно надеть на него ошейник.

— Потому как меня вы уже посадили на цепь, — тихо себе под нос буркнула Эвелина. Далион сделал вид, будто не расслышал этих слов, и махнул рукой, позволяя девушке выбрать себе книгу. Больше в этот день они не разговаривали.

На следующее утро Эвелину подняли на удивление рано. Она уже привыкла просыпаться на рассвете, но в этот раз стук в дверь раздался в то время, когда на улице еще царила ночь. Даже на востоке не успели разлиться нежные розовые краски рассвета.

Имперка быстро оделась и вышла в коридор. Там ее дожидалась заспанная Дайра, которая молча проводила ее в кабинет Далиона. Тот стоял напротив окна, наблюдая, как на стекле пляшут отблески свечей.

— Вы звали меня? — кашлянула Эвелина после нескольких минут ожидания.

— Да, — не поворачиваясь, бросил через плечо мужчина. — Ты слышала, что сегодня прибывают младшие гончие. Это обычная практика для старших — предоставлять свой дом зимой для тренировок. Думаю, теперь нам скучать не придется.

Далион повернулся и устало посмотрел на девушку. Та молчала, не понимая, чего он хочет.

— Я уже говорил вчера, что нам надо придумать, как представить тебя остальным. И что делать с клеймом, — с неохотой продолжил мужчина.

— Вы ведь знаете, что я буду вынуждена принять любое ваше решение, — слегка улыбнулась девушка.

— Тем не менее я бы сначала хотел услышать твои предложения, — хмыкнул Далион. — Быть может, ты не заметила, но я не люблю принуждать людей без лишней необходимости.

Эвелина сдержала слова, которые так и просились ей на язык. Вместо этого она лишь неопределенно пожала плечами.

— Вы в курсе, что я бы с радостью рассталась с этой меткой, — тихо произнесла девушка. — Но, боюсь, Ирра ошибалась. Такие знаки не так просто свести огнем.

— А ты бы позволила это? — удивленно приподнял брови мужчина. — Согласилась бы на то, чтобы твое запястье обуглили каленым железом?

— Если бы это уничтожило знак императора — то да, — твердо ответила Эвелина.

Пришел черед гончей задуматься над словами своей тени. Далион что-то подсчитывал в уме, медленно загибая пальцы.

— Нет, — наконец с явным сожалением сказал он. — Ты права, я не могу быть уверен, что столь радикальная мера поможет. И мы не в том положении, чтобы рисковать без необходимости. Придется придумать что-то менее болезненное для тебя. И более простое для меня.

— Тогда перемотать руку — единственный выход, — усмехнулась Эвелина.

— Тряпку легко снять, — возразил мужчина. — Или потерять. А если станет известно, откуда ты и чье клеймо носишь на запястье, то это принесет массу проблем для нас обоих.

— Куда вы клоните? — не выдержав, перебила девушка хозяина. — Вы ведь уже решили, что делать. К чему тогда пустые разговоры?

Далион хмыкнул и неторопливо подошел к Эвелине, застывшей посередине комнаты.

Посмотрел в ее темные, подчеркнутые кругами усталости глаза.

— Я просто хотел, чтобы ты согласилась с моим решением этой проблемы, — сказал он, внимательно наблюдая за реакцией девушки. — Ты — моя тень, и я волен поступать с тобой так, как хочу. Но все же более разумно, чтобы ты понимала причины моих решений. И соглашалась с ними по доброй воле. Я не люблю множить ненависть напрасно. Это удивляет тебя?

— Да, — кивнула Эвелина. — В империи все делается по-другому. Если ты слаб — покорись, если силен — подчини другого. Или сражайся, пока хватит сил.

— Дэмиен так учил тебя? — равнодушно поинтересовался Далион и продолжил, словно не заметив вспышки ярости в глазах девушки. — Мы не в Рокнаре, и ты должна забыть свое имперское прошлое. Иначе бед не оберемся. Считай, что я лишь объяснил тебе, почему вынужден надеть на тебя браслеты повиновения.

— Что? — переспросила Эвелина. — Какие браслеты?

— Вот эти. — Мужчина вернулся к своему столу и достал две широкие стальные полоски. — Это давняя традиция — даровать их своим теням. Сейчас, правда, мало кто ее соблюдает. Они дают уверенность, что никто не нанесет удар тебе в спину. Тень просто не способна навредить своему хозяину, поступить наперекор его мнению, когда на ней эти браслеты. В свою очередь и хозяин всегда знает, где его тень и что с ней происходит. При большом желании даже можно читать мысли, но это слишком энергоемкое занятие, чтобы заниматься им постоянно.

— У меня есть выбор? — нарочито спокойно поинтересовалась девушка, хотя внутри все дрожало от негодования.

— Нет, — прямо ответил Далион. — Мне очень жаль, но это действительно единственный приемлемый выход. Для твоего же блага.

— Не надо, — поморщившись, словно от сильной боли, попросила чужачка. — Мой дядя тоже в свое время долго распинаясь о благе, от которого я по собственной глупости отказываюсь, а потом меня заклеил император. Только я до сих пор не заметила преимуществ, которые дарует этот знак.

Мужчина заинтересованно взглянул на девушку, ожидая продолжения, но его не последовало.

— Делайте, что сочтете нужным, — глубоко вздохнула Эвелина и протянула вперед руки.

— Мне действительно жаль. — Далион с сочувствием, как показалось ей, посмотрел на чужачку. — Но по-другому нельзя. Это не навсегда. Я сниму их при первой же удобной возможности.

Прохладные ленты туго обхватили запястья Эвелины и плотно прилегли к коже. Это не было неприятно. Просто боль в душе девушки стала сильнее. Будто после очередного предательства.

— Коль мы закончили с этим неприятным делом, перейдем к другому, не менее важному. — Далион не спешил отойти от своей тени. — Мне надо будет представить тебя должным образом. С Шари я уже говорил. Он обещал молчать. Насчет Ирры тоже не беспокойся. Она иногда бывает жестокой, но никогда не посмеет сделать что-то вопреки моей воле. На все вопросы, которые тебе будут задавать, отсылай ко мне. Хотя вряд ли ты где-нибудь появишься без моего сопровождения, но все же. Я заметил, что ты не болтлива. Постарайся остаться такой же и впредь. Никаких попок с младшими, никакой дружбы. Они

будут стараться тебя подначить — молчи. На оскорбления не отвечай. Это послужит неплохим экзаменом для твоей выдержки. И помни, многие из них, если не все, мечтали бы оказаться на твоём месте. Поэтому тебе и придется тяжело первые дни.

— На моём месте? — печально улыбнулась девушка. — Почему-то мало верится.

— Даю слово, — расхохотался мужчина. — Быть тенью старшей гончей для многих предел мечтаний. Это способ учебы, шанс быть замеченным. Среди младших жестокая конкуренция, каждый из них стремится прыгнуть выше головы. Мало кому это удастся, но все же стать тенью для них — это большой рывок вперед.

— Я учту, — кивнула Эвелина.

— Отлично. — Далион сделал наконец-то шаг назад. — Помни: молчание, выдержка и преданность мне. Три вещи, которые отныне ты должна соблюдать беспрекословно. А пока можешь идти. Я жду тебя через час во дворе.

Эвелина поклонилась и вышла из кабинета. В своей комнате она долго безучастно сидела на кровати, сложив на коленях руки. В тусклом предрассветном сумраке браслеты напоминали змеиные шкурки — такие же серые и холодные. Интересно, а ошейник покорности Далион для нее не припас? Наверное, Дэмиен бы рассмеялся, если бы узнал, на что променяла его бывшая ученица роскошь и уважение при дворе. Какая ирония, вместо жизни в золотой клетке — цепь и кандалы.

Девушка сморщилась и со всей силы стукнула кулаком по стене, рассадив костяшки. Ушибленная рука сразу заныла, но боль привела Эвелину в чувство, не дав постыдно разрыдаться.

«Пожалеть себя ты всегда успеешь, — напомнила себе имперка. — Не время раскисать».

Находиться в закрытом помещении было неважко. Эвелина быстро накинула на плечи тёплый плащ и выскочила во двор. Здесь, среди тишины и пролады, ей сразу полегчало. Она маленькими глоточками, словно смакуя, вдыхала пряный запах опавшей листвы и свежести осеннего утра. Девушка была готова провести так вечность, но уже через несколько минут во дворе запылали многочисленные факелы, разгоняя по углам робкий лиловый свет нарождающегося дня.

— Ты уже здесь? — спросил ее Далион, неслышно подходя из-за спины. — Рановато.

— Прогуляться захотелось, — уклончиво отозвалась девушка. Хозяин лишь хмыкнул, скользнув нарочито безразличным взглядом по содранным костяшкам ее руки, на которых выступили крупные капли крови.

— Ты поранилась? — спросил он, беря ладонь чужачки в свои руки. От легкого прикосновения гончей девушка вздрогнула, словно от удара.

— Да, — хрипло произнесла она, пытаясь освободить свою руку из плена на удивление сильных пальцев гончей. Далион без труда пресек ее попытку. В содранных костяшках вдруг запульсировало тепло.

— Так-то лучше, — удовлетворенно произнес мужчина, разжимая пальцы и рассматривая результат своих трудов. Ссадины зажили, словно их никогда и не было.

— Спасибо, — через силу поблагодарила Эвелина. — Но я обошлась бы и без вашей помощи.

— Это было бы ненужным источником соблазна для тебя, — слегка улыбнулся мужчина. — До превращения осталось всего две недели. Тебе сейчас надо быть сильной как никогда.

— Я постараюсь, — с грустной усмешкой отозвалась девушка.

Далион хотел было еще что-то сказать, но промолчал. Лишь пожал плечами и отошел в сторону.

Буквально сразу же во двор вышла Ирра. На этот раз она оделась в черный облегающий костюм, который прекрасно смотрелся с тщательно уложенными в высокую прическу светлыми волосами.

— Дорогой, — подошла она к гончей. — Все готово?

— Да, — кивнул он и заботливо посмотрел на женщину: — Тебе не холодно? Быть может, подождешь нас в холле?

— О нет, — мелодично рассмеялась та. — Я люблю ритуал встречи. Есть в нем нечто завораживающее.

Где-то вдалеке послышался звук приближающегося отряда. Слуги засуетились, открывая тяжелые ворота.

— Эвелина, — моментально стал серьезным Далион. — Займи свое место.

Девушка поклонилась и покорно встала за его плечом. Ирра с неприязнью оглянулась на чужачку, чуть слышно раздраженно фыркнув. Мужчина сделал вид, будто не заметил этого, и ласково взял подругу за руку. Чужачка отвела взгляд. Да, пожалуй, понимания или сочувствия со стороны женщины искать не придется.

Эвелина ожидала, что во двор сейчас въедет много народу. Тем большим было ее удивление, когда после минутного ожидания через ворота влетело всего лишь пять всадников. Впереди, на рослом черном скакуне, гарцевал Шари.

— Друг мой! — закричал он, легко спешиваясь. — Я привез тебе новых бездарей и неучей!

Далион наклонил голову, безуспешно пряча улыбку. Затем едва заметно кивнул одному из слуг. Молодой паренек вышел вперед, осторожно неся на вытянутых руках перед собой факел. Капли горячей смолы падали с пакли, своеобразной огненной дорожкой помечая путь юноши.

Первым к огню подошел Шари. Небрежно провел ладонью над пламенем. Огонь недовольно затрещал, рассыпаясь искрами.

— В моем сердце нет зла, — привычно забубнил мужчина. — В моей душе нет скверны, в моем теле нет слабости. Да будет так всегда.

И, подмигнув приятелю, Шари отошел в сторону, дожидаясь, пока через своеобразное приветствие пройдут остальные.

— На островах считается, что огонь не пропустит в дом человека, замышляющего вред, — шепотом объяснил девушке Далион. — Он или потухнет, или сожжет злоумышленника.

Эвелина хмыкнула и подалась вперед, с интересом наблюдая за гончими, нерешительно мнущимися около факела. Они все были примерно одного возраста — чуть помладше чужачки. Двое юношей, две девушки. Первой к огню подскочила ярко-рыжая конопатая девчушка, которая безбоязненно сунула руку в самую сердцевину огня и звонко прокричала приветствие. Эвелине понравилось выражение ее глаз — озорных, зеленых, с изрядной долей ехидства.

— Райя, — представилась гончая, подходя к Далиону. — Выгнали из деревни. Решили, что слишком не похожа на остальных.

Чужачка с уважением посмотрела на новенькую. История, рассказанная ею, была слишком хорошо знакома Эвелине.

— Дария, — подошла следующая девушка — худенькая, вертлявая, с роскошной гривой вьющихся черных волос. — Замуж отдать хотели за старосту.

— Ну и вышла бы, — с неприязнью заметила Ирра, сильнее прижимаясь к Далиону.

— Так он старый, — с удивлением посмотрела на нее Дария. — И беззубый уже. К тому же прошлые жены и двух лет не прожили — в могиле упокоились.

Далион с удивлением приподнял одну бровь и посмотрел на Шари.

— Разберемся, — буркнул тот.

— Ранол, — присоединился к компании высокий темноволосый парень. — Бабка отправила. Сказала, что кормить нечем.

Последний юноша долго мялся около огня, не решаясь протянуть руку в пламя факела.

— У него вся семья в пожаре погибла, — шепотом пояснил Шари. — Он пытался сестру младшую вытащить, да не сумел. Говорят, долго в бреду после той ночи лежал.

Наконец паренек вздохнул и, крепко зажмурившись, ткнул растопыренной пятерней в огонь. Быстро протараторил положенные слова и подошел к остальным, смущенно улыбаясь.

— Нор, — представился он, дрожащими от волнения руками приглаживая светлые вихры. — Сирота.

— Я рад, что вы все прошли испытание, — негромко произнес Далион. — Думаю, мое имя вам и так известно. В настоящий момент я являюсь старшей гончей по западной гряде островов. Слушаться вы будете только меня. Я отвечаю за вашу жизнь и безопасность. И постараюсь сделать все, чтобы вы вышли отсюда достойными младшими гончими. Шари в этом мне поможет. Остальные... — Тут мужчина немного запнулся, но продолжил с легкой усмешкой: — Ирра — моя подруга. Ее слово в отсутствие меня или Шари равнозначно слову старшей гончей. И моя тень.

Далион сделал шаг в сторону. Эвелина привычно поежилась под перекрестьем множества взглядов.

— Жаль, — с нескрываемым сожалением в голосе выдохнула рыжеволосая Райя. — Мы надеялись, что вы выберете одного из нас для выполнения этой почетной обязанности.

— Значит, не судьба, — отозвался маг, с любопытством наблюдая за реакцией на свои слова.

— Она хорошо фехтует? — не унималась девушка. — Разбирается в магии?

— О да, — рассмеялся Далион. — Я думаю, у вас еще будет шанс увидеть мою тень в действии. Впрочем, обо всем позже. Слуги покажут вам ваши комнаты.

Мужчина с легким поклоном пропустил вновь прибывших в дом, жестом подманив ближе Шари.

— Ну как? — шумно засопел тот, едва за младшими гончими закрылась дверь. — Хорошую новую смену я привез тебе?

— Неплохие, — согласился Далион. — Больше всего меня заинтересовали двое.

— Дай угадаю. — Толстяк закатил глаза, а потом громогласно выдал: — Девчонки небось. Хороши. Я прав?

— Наполовину, — усмехнулся мужчина. — Рыжая нахальная, но из нее может выйти толк. И еще мне понравился светленький. Как его, Нор. Сирота который.

— Ну, не знаю, — поморщился Шари. — Парень как парень. Тихий какой-то, забитый.

— Тем не менее он все же положил руку в огонь, — тихо возразил Далион. — Впрочем, ладно. Еще поговорим об этом. Первые впечатления иногда оказываются ошибочными. Иди, тебе приготовили горячую ванну, свежую постель и сытный завтрак. Небось устал с дороги.

— Да, есть немного, — не стал отпираться толстяк. Затем лукаво посмотрел на Эвелину, молчаливо стоящую чуть поодаль. — Удивил ты меня с этой имперкой. Не думал я, что ты ее тенью сделаешь. Эти молодые горло друг другу за такую честь перегрызть готовы.

— Больше никогда не вспоминай о том, что она из Рокнара, — грубо перебил друга Далион. — Прощу. И у стен есть уши.

— Да ладно, — расхохотался Шари, нисколько не смутившись. — Тут все свои. Но если ты просишь — то конечно. Хотя тебе будет тяжело объяснить ребятам, откуда ты ее выискал. Особенно если окажется, что она им в чем-то уступает.

— Не уступает, — презрительно скривил уголки губ Далион. — Я уверен в ней. Иначе бы не сделал тенью.

— А я уж подумал, что у тебя были иные причины, — двусмысленно подмигнул другу толстяк. — Смазливенькая, фигурка ничего. Всегда будете рядом. Да и Ирра у тебя уже давненько в подругах. Надоесть могла.

— Это правда? — изменившись в лице, глухо спросила женщина, с силой вцепившись в руку Далиона. — Ты решил меня променять на эту шлюху императора?

— Ого! — довольно воскликнул Шари. — А таких подробностей я не знал. Нельзя ли еще подробнее?

— Хватит! — Негромкий взглас старшей гончей миготнул едва не начавшуюся перебранку во дворе. Далион холодно смерил приятеля взглядом, затем посмотрел на Ирру и четко произнес: — Я прошу вас такие разговоры впредь вести только в моем кабинете. Иначе я вынужден буду принять определенные меры. Полагаю, вы догадываетесь — какие именно. И вам они не понравятся.

Ирра опустила голову, словно соглашаясь с мужчиной. Однако успела мазнуть по Эвелине недобрым взглядом. Шари же, напротив, радостно улыбался, будто получал удовольствие от этой сцены.

— А сейчас я вынужден покинуть вас, — по слогам процедил Далион и бросил через плечо: — Эвелина, за мной.

«Он приказывает мне, как собаке, — грустно подумала девушка, покорно отправляясь вслед за мужчиной в дом. — Хотя нет, даже с цепным псом говорят уважительнее».

Далион не отпускал Эвелину от себя ни на шаг в этот день. Она была вынуждена присутствовать и на торжественном обеде, данном в честь вновь прибывших, и на первой пробной тренировке младших гончих. Наблюдая, как жестко, а порой и жестоко ее хозяин гоняет новых обитателей дома, девушка даже обрадовалась, что не находится сейчас на их месте. Нет, Далион не причинял физической боли своим ученикам. Он умел вовремя остановиться, когда его меч готов был буквально впиться в незащищенную плоть. Но его ехидные комментарии и многозначительные смешки выводили учеников из себя. Эвелина видела, как темноволосая Дария отвернулась, скрывая от мужчины слезы после очередной неудачи, как рыжая, бесшабашная Райя беззвучно ругалась, пытаясь прийти в себя после оскорбительного комментария. Крепкий Ранол лишь сжал кулаки, когда услышал от Далиона нелестный отзыв о своей манере ведения боя. Только молчаливый Нор продержался против старшей гончей дольше всех. И ничем не выдал своих чувств, когда его меч, звякнув, отлетел далеко в сторону после выпада Далиона.

— Хорошо, — наконец, небрежно утерев пот со лба, констатировал Далион. — Вы подходите мне. Завтра начнем нормальные занятия. Отдыхайте и готовьтесь к тому, что в дальнейшем я не буду делать скидок на вашу неопытность и юность.

— Подождите, — неожиданно выступила вперед Райя. — Мы бы хотели увидеть, как справится с заданием ваша тень. Вы ведь выбрали ее на столь почетную должность, и теперь наше любопытство не знает границ. Мы хотим знать — чем она лучше нас.

Далион с некоторым сомнением посмотрел на Эвелину, которая позволила себе лишь едва заметную усмешку после слов младшей гончей. Затем задумчиво пожевал губами.

— Почему бы и нет? — наконец принял он решение. — Это послужит наглядным уроком для вас.

Эвелина едва успела выхватить меч, когда ее хозяин резко, без предупреждения пошел в атаку. Увернулась от первого выпада и тут же ударила в ответ. Среди зрителей неожиданной схватки прошел легкий гул недоумения. Далион и Эвелина сейчас сражались всерьез — без малейшей скидки друг другу. Даже Шари со свистом вдохнул в себя воздух, когда клинок девушки прошелся в опасной близости от плеча гончей.

— Что они делают? — с недоумением прошептала Ирра, хватаясь за руку толстяка. — Они же убьют друг друга!

Эвелина улыбалась. Впервые за долгое время она искренне и от души веселилась. Нет, Далион не поддавался ей, да чужачка и не собиралась обманывать невольных зрителей. Но сейчас, как никогда ранее, девушка ощущала в своем сердце ликование. Словно зверь впервые показал клыки, почуяв близкую гибель гончей. Хотелось сражаться до конца, до смерти противника. Чтобы потом припасть к горлу поверженного врага и пить, пить всласть его кровь.

Не девушка сейчас танцевала напротив гончей. Зверь выглядывал из ее красных, светящихся бешенством глаз, зверь уворачивался от ударов и без боязни атаковал, не обращая внимания на острый клинок противника.

Райя печально потупила взор. Она уже поняла, что ее выпад послужил только на пользу тени старшей гончей. Такого темпа боя никто из этой четверки не смог бы держать столь долго. Более того — никто из них просто-напросто не сумел бы достичь скорости, на которой велась схватка. Иногда даже лезвия мечей нельзя было различить — лишь размазанные взмахи клинков очерчивали круг поединка.

Эвелина заигралась. Она подпустила Далиона слишком близко, надеясь поймать его на обманный прием. А когда поняла, что ошиблась, было слишком поздно. Мужчина не стал ее обезоруживать. Просто неуловимым движением перехватил руку с клинком и резко вывернул ее. Пальцы тут же свело от невыносимой боли. Они сами собой разжались и выпустили меч.

— Довольно, — мягко сказал Далион, с некоторым интересом наблюдая, как красные всполохи в глазах его подопечной уходят, сменяясь безразличием. — Кто готов повторить?

Молчание было ему ответом.

— Я так и думал, — пожал плечами мужчина и холодно посмотрел на Райю. — Надеюсь, я ответил на твой вопрос, милое дитя. И, надеюсь, никто из вас больше не посмеет усомниться в том, что я выбрал в качестве своей тени достойного противника.

Рыжеволосая девушка молча склонила голову, признавая правоту Далиона. А Эвелина пристально рассматривала свою рубашку, по которой вновь поползли красные разводы. И боролась с диким желанием попробовать на вкус свою кровь.

Медленно тянулось время, оставшееся до превращения. Каждый день оборачивался для Эвелины кошмаром. С каждым прожитым мгновением пить хотелось все сильнее. Это желание изнуряло девушку. И даже ночью не было покоя от сильнейшего чувства жажды.

Чужачка ворочалась без сна, боясь закрыть глаза, потому как уже знала, какие картины предстанут перед ее внутренним взором. Каждый раз, стоило ей лишь соскользнуть в липкую паутину кошмара, она видела одно и то же. Маленькая девочка бежит по темному ночному лесу. Спотыкается, едва не падая, но упрямо продолжает свой путь. Эвелина всегда видела ребенка сзади и чуть со стороны. Будто следя за девочкой из густого бурелома. Девушка не знала, что так пугало ее в этом сне. Может быть, полная тишина, которая всегда в нем царила. Нет, каким-то шестым чувством Эвелина понимала, что ребенок очень напуган и плачет. Но не слышала этого. Все ее внимание было приковано к тоненькой шейке девочки, которую, казалось, можно переломить двумя пальцами. Или, возможно, страшило ее то, что с каждым новым сном расстояние между ней и ребенком сокращалось. Еще день или два — и чужачка неминуемо должна была настичь девочку из сна. Но зачем? Чтобы заглянуть в ее лицо? Увидеть полные ужаса глаза и рассмеяться, торжествуя победу? Эвелина не знала. И не стремилась узнать. Поэтому она всеми возможными способами старалась избегать сновидений. Металась по тесной комнатухе до рассвета, боясь присесть на кровать даже на миг. Потому как понимала, что встать уже не сможет — безвольно погрузится в черное забытие. Однако долго так продолжаться не могло. После первых же бессонных суток имперка едва не грохнулась постыдно в обморок на глазах у младших гончих. Шел обычный урок. Хозяин показывал своим новым ученикам элементарные приемы фехтования, заставляя повторять их до тех пор, пока руки не начинали действовать самостоятельно, не дожидаясь команды мозга. Эвелина стояла в стороне, с легкой усмешкой наблюдая за старанием гончих. Она в свое время уже проходила через такие же испытания. Но вдруг накатила волна слабости. Видимо, кроме бессонной ночи сказалась и кровопотеря, пусть и не очень большая. Рана от когтей перекидыша после поединка с Далионом больше не затягивалась — приходилось менять повязку несколько раз в сутки. Вот и затянуло все перед глазами багровой пеленой изнеможения. Стало душно. В оглушительной тишине в ушах отдавался лишь бешеный стук сердца — больше никаких звуков. Мир вокруг отодвинулся, стал блеклым и невыразительным. Благо, Далион вовремя заметил, что с его тенью творится что-то неладное, и успел незаметно подхватить девушку под локоть. Затем кивнул Шари, который вместо него повел урок, а сам отвел чужачку в свой кабинет. Если младшие гончие и удивились этому, то не показали вида.

— Плохо? — спросил он, усаживая девушку в свое кресло. Эвелина с недоумением на него посмотрела. Она не понимала, чего от нее хочет этот мужчина. Девушка вдруг с невольным страхом осознала, что вообще забыла — кем он является. Далион хмыкнул и, небрежно замахнувшись, отвесил пощечину своей тени. От несильного удара голова Эвелины мотнулась в сторону, но способность соображать вернулась почти сразу.

— Тебе плохо? — повторил вопрос мужчина. — Или мне повторить?

— Не надо, — глухо отозвалась девушка, растирая щеку. — Мне уже лучше. Спасибо.

— Ты сегодня ночью спала? — продолжил расспросы Далион. По тому, с каким смущением девушка отвела взгляд, он все понял и без слов. — Почему? Тебе сейчас необходимо много отдыхать. Иначе ты ослабнешь и станешь уязвима для зверя. А ведь до превращения еще несколько дней.

— Разве это отдых? — глухо спросила Эвелина. — Каждую ночь одно и то же. Кошмары, так напоминающие реальность, что не сразу понимаешь, где правда, а где сон.

— И что ты видишь в своих видениях? — с легкой искоркой любопытства в глазах поинтересовался Далион.

— Девочку, — с неохотой ответила чужачка. — За которой я слежу. С каждым разом она все ближе и ближе ко мне. Я боюсь, что вскоре загляну в ее лицо, и случится что-то страшное.

— Ты боишься, что, когда девочка обернется, ты увидишь свое лицо? — догадливо усмехнулся мужчина. Эвелина лишь опустила глаза.

— Ну что же. Превращение и в самом деле близко, — констатировал Далион. — Я распоряжусь, чтобы на ночь тебе давали сонный отвар. После него кошмары не будут тебя мучить.

— Спасибо, — поблагодарила девушка с измученной улыбкой.

— Не за что. — Мужчина замолчал, но потом продолжил: — Я думаю, через пару дней тебе придется перебраться в мою комнату. Становится слишком опасно оставлять тебя в одиночестве.

— Вот как? — удивленно подняла брови Эвелина. — А вы не боитесь, что поползут определенного рода слухи?

— Я? — улыбнулся Далион. — Нет, не боюсь. В моем положении уже можно не обращать внимания на то, что говорят люди. Ирре, конечно, будет тяжело объяснить мое решение. Но, думаю, я справлюсь.

В комнате наступила тишина. Девушка собиралась с силами, чтобы попробовать встать из кресла. Слабость прошла, но перед глазами еще мельтешили навязчивые черные мушки, как признак недавно перенесенного приступа.

— Можешь не торопиться, — угадал ее мысли маг и присел на подлокотник кресла. — Шари прекрасно справится и без меня. Лучше скажи, а ты сама не опасаясь за свою репутацию? Быть может, мое предложение тебе кажется неприемлемым?

— Мне все равно, — пожала плечами Эвелина. — В свое время каких только гадостей обо мне не говорили. Пережила. И сейчас справлюсь.

— Даже если оскорбление нанесут тебе в лицо? — продолжил расспрашивать Далион.

Эвелина долго молчала, прежде чем ответить на этот вопрос. Хозяин не торопил ее — просто наблюдал, как в темных глазах его подопечной то вспыхивали, то гасли красные искры потаенной злости. А девушка вспоминала злополучный поединок с воспитанником Майра, когда ей пришлось вступить за честь безродной. Как же звали того парня? Уже забыла, а казалось — тот день навсегда останется в ее памяти.

[Купить полную версию книги](#)